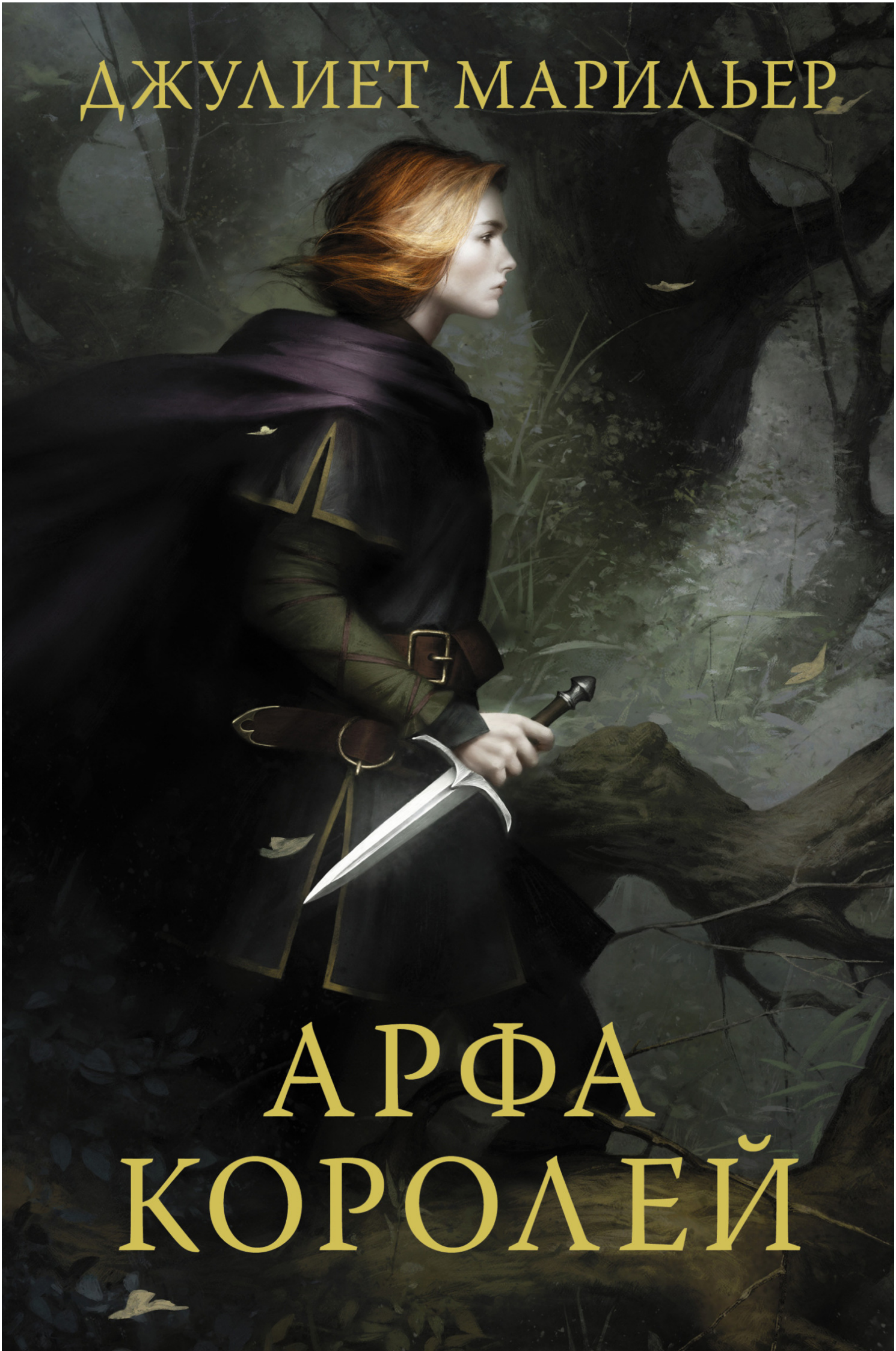
ДЖУЛИЕТ МАРИЛЬЕР
АРФА
КОРОЛЕЙ

Фэнтези: открытие

Джульет Марильер

Арфа королей

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.9(931)
ББК 84(8НоЗ)-44

Марильер Д.

Арфа королей / Д. Марильер — «Издательство АСТ», 2019 — (Фэнтези: открытие)

ISBN 978-5-17-123458-4

Юная Ливаун прекрасно поет и играет на свирели, а Брокк, ее брат, может растопить своим пением даже самое жестокое сердце. Они мечтают попасть в отряд, где обучают лучших воинов. Уникальное сочетание талантов Ливаун и Брокка помогает им в этом. Воинам-бардам поручают важное задание – найти украденную Арфу королей, древний символ королевской власти. Им предстоит встретить заговорщиков и наследников королевских семей, друидов и знахарей, мудрецов и бродячих музыкантов, узнать, что волшебный народ не прочь вмешаться в дела людей, и принять решение, от которого может зависеть их жизнь и счастье.

УДК 821.111-312.9(931)
ББК 84(8НоЗ)-44

ISBN 978-5-17-123458-4

© Марильер Д., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Действующие лица 6
1. Ливаун 9
2. Дау 17
3. Брокк 19
4. Ливаун 21
5. Дау 28
6. Брокк 34
7. Ливаун 36
8. Дау 38
9. Брокк 46
10. Ливаун 49
11. Брокк 59
12. Дау 65
13. Ливаун 68
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Джульетта Марильер
Арфа Королей

Посвящается моему внуку Тайко

Действующие лица

Включая некоторых персонажей, которые в повествовании не присутствуют, но упоминаются другими.

Лебяжий остров

Кинела: старейшина острова
Арку: главный инструктор по навыкам боя. Имя в ходе выполнения миссии: Дядюшка Арт.
Брида: главный инструктор по тайным миссиям
Хаки: бывший берсерк, инструктор по ведению боя на борту корабля
Эва: наставница по взлому замков и маскировке
Иллан: воин острова, опытный кузнец. Имя в ходе выполнения миссии: Огн.
Имер: выполняет на острове вспомогательные функции; играет на свирели

Новобранцы

Ливаун: певунья и мастерица игры на свирели. Имя в ходе выполнения миссии: Кира.
Брокк: брат Ливаун; песенник и арфист. Имя в ходе выполнения миссии: Донал.
Дау: третий, младший сын вождя клана. Имя в ходе выполнения миссии: Нессан.
Хротгар: викинг
Чианан
Йенн: армориканец

В пути

Джунипер: рассказчица и знахарка
Шторм: ее пес
Очу и Маэн: муж и жена на «конспиративном» хуторе

Двор королевства Брефны

Родан: сын последнего короля Аэнгуса
Кора: регент
Брондус: главный советник
Бресс: второй советник
Ниал: страж закона
Горв: личный страж Родана
Буах: личный страж Родана
Крин: друг Родана
Колл: друг Родана
Мааре: няня
Ашллин: шестилетняя девочка
Мухта: придворный кузнец
Ломан: конюх
Финн: конюх

Осгар: воин, муж Банвы
Дана: прачка/швея
Мев: прачка/швея
Брин: пес, охраняющий конюшню

Обитатели неметонов

Моркан: Верховный Друид
Фараннан: Верховный Бард
Оланн: друид
Огр: ученый муж
Фелан: друид-ученик
Росс: друид-ученик
Шида: друид-ученик
Флэнн: друид-ученик

Глендарраг

Тоссак: вождь клана, родственник последнего короля Аэнгуса
Энья: его жена
Брион: их старший сын десяти лет
Тадг: их младший сын восьми лет
Пэдрейг: советник Тоссака

Колдовское царство Брефны

Эрнья: королева колдовского царства Брефны
Рябинник: ее страж
Ночная Тень: ее мудрец
Правдивка
Травка-Мотылек
Шапочка-Крохотка
Шубка-Чертополох

Другие упомянутые по именам персонажи

Гэлен: старший брат Ливаун и Брокка, личный страж и друг Айлу
Айлу: наследный принц Далриады
Хозяюшка Блэкторн: мать Гэлена, Ливаун и Брокка; знахарка и колдунья
Господин Грим: отец Гэлена, Брокка и Ливаун; соломенных дел мастер
Шинан: старший брат Дау
Руарк: средний брат Дау
Снежок: собака Дау в детстве
Гэральт: наставник Дау
Аэнгус (покойный): бывший король Брефны
Дейра (покойная): его жена
Бевин: королева Маленького народца в легенде об Арфе Королей
Иивар: вымышленный отец Киры

Клиэна: игрушка Ашллин, названная по имени королевы Туата Де Даннан

1. Ливаун

Чертов Арку! Ну почему мы должны сражаться под этим ужасным дождем! Я подставляю Брокку подножку, завожу свою левую ногу за его правую, заваливаю назад всем весом, швыряю на землю и падаю вместе с ним. Мы катаемся в грязи. Твою мать! Кому захочется заниматься этим всю оставшуюся жизнь. Я, наверное, сошла с ума.

С северного моря налетает ветер и разгоняет тучи. Брокк изрыгает проклятия. У него сбито дыхание. Еще чуть-чуть, и я его сделаю.

– Врежь ему по яйцам! – кричит кто-то.

– Хватай ее за волосы! – вопит другой.

Кажется, это Дау. Ему нравится, когда я проигрываю.

Смотреть на Арку, будь у меня даже возможность повернуть голову, нет нужды. Я и так знаю, о чем он думает: «Это тебе не драка на задах бражного зала, я готовлю вас к настоящим сражениям. И если у тебя есть преимущества – используй их».

«Превосходство в весе, – напоминаю я себе, пока Брокк с трудом поднимается на одно колено и на мгновение ослабляет захват моей правой руки. – Сильнее воля к победе. И явное отсутствие желания уступать». Я хватаю горсть грязи и бросаю ему в лицо. Он ругается, выпускает меня и трет глаза. Не вставая с колен, разворачиваюсь и наношу точно рассчитанный удар в челюсть. Брокк проиграл.

– Отбой! – поднимает руку Арку. – В схватке победила Ливаун.

Наконец-то, хвала богам ветра и погоды. Слышатся жидкие аплодисменты наших товарищей, вынужденных наблюдать за всеми без исключения схватками, вне зависимости от погоды. Арку считает, что всегда можно чему-то научиться, наблюдая за ошибками других. Я протягиваю Брокку руку и помогаю подняться.

– Мне надо было предвидеть этот твой ход, – бормочет он, вытирая лицо грязным рукавом.

Что можно ответить? Спарринги мы с ним устраиваем с детства, и он знает, что я не гнушаюсь грязными приемами, если это требуется для победы. В схватках с Брокком я чаще выигрываю, потому что он слишком благороден – себе во вред.

– Грязный бой, – говорит Арку. – В какой-то момент, Брокк, у тебя было преимущество, но ты им не воспользовался. Не позволяй мыслям рассеиваться, особенно в таких случаях. Оттачивай зрение, оттачивай слух, прислушивайся ко всему, что происходит в каждой частице твоего тела. Отражая один ее удар, ты должен предвосхищать следующий. Если она застанет тебя врасплох, тебе конец. А если ошибешься в реальном бою, можешь погибнуть, что отнюдь не порадует тех, кто платит за твои услуги, кем бы они ни были. На, держи.

Он вынимает из потайного кармана своей необъятной меховой накидки – она почти легенда – сомнительного вида тряпицу и протягивает ее Брокку.

– Вытри лицо.

Поворачивается ко мне:

– Ливаун, на этот раз ты действовала быстро. Надеюсь, ты не причинила брату вреда. Но закончить этот бой можно было и честнее. Расскажи мне, что для этого можно было сделать.

Я еще раз прокручиваю в голове схватку.

– Будь я быстрее, на него можно было бы навалиться всем телом, когда мы упали. А чуть раньше, выполняя захват с броском, можно было расставить ноги шире и, тем самым, не позволить ему вскочить на ноги.

– У него это хорошо получилось, – Арку переводит суровый взгляд на Брокка и коротко кивает в знак одобрения, – ты двигаешься очень быстро и легко, на сей счет можешь не сомневаться.

– Он рожден быть бродячим музыкантом, – презрительно бросает негодяй Дау, – и обладает множеством талантов: поет, играет на арфе, показывает акробатические трюки.

Я стискиваю зубы и глотаю убийственный ответ, которого заслуживает этот комментарий. Сдержанность на Лебяжьем острове входит в кодекс поведения, к тому же рядом Арку – тот самый Арку, которому со временем предстоит решить, кто из новобранцев станет постоянным членом отряда, а кто отправится домой, полный сожалений. Что до Брокка, то он молчит.

– Вы удивитесь, – замечает Арку, – сколько талантов боец с Лебяжьего острова может задействовать для обеспечения стратегического преимущества. Некоторые из них вовсе не относятся к боевым навыкам. Если кому-то из вас посчастливится успешно окончить этот курс и остаться на острове, вы увидите, что предлагаемые нами услуги разнообразны. Выступить, как на параде, с начищенным до блеска оружием в руках, чтобы убить противника, пока он не прикончил тебя, – это далеко не все. Хотя этому вам тоже предстоит учиться. Кто-нибудь хочет высказаться?

Да, конечно. Наш отряд провел на острове, постоянно тренируясь, два лунных цикла. Мы работаем целыми днями, а часто и по ночам, потому что должны уметь драться в любых условиях. Арку на Лебяжьем острове – главный инструктор, но нас учат и другие. Здесь есть настоящие мастера владения мечом и луком, эксперты по поединкам на шестах и голыми руками, что вполне ожидаемо для школы боевого мастерства. Нас обучают взбираться на крутые склоны гор, рассказывают, как отразить атаку врага, нападающего, когда ты, на полпути к вершине, цепляешься за столь дорогую твоему сердцу жизнь. Нам прививают навыки ухода за снаряжением, начиная с оружия и кончая обувью, устраивают внезапные проверки и если обнаруживают чьи-то грязные ботинки или плохо начищенный нож, расплачиваться приходится всем. Под руководством похожей на мышь женщины по имени Эва мы учимся открывать запертые двери и прятаться прямо под носом у других. Высокому, крепко сбитому человеку это не так просто, в чем у меня есть возможность убедиться. И цвет моих волос – ярко-рыжий – тоже этому не помогает.

К числу навыков, которые мы не сможем приобрести на острове, относится верховой бой. Держать лошадей здесь не получается – равнинных земель мало, а те, что есть, заняты тренировочными площадками и жилыми строениями. Остальная часть острова – крутые холмы, коварные лощины и отвесные скалы – отдана во власть овец, тюленей и буревестников. На Лебяжьем острове есть флот небольших суденышек. На одних ловят рыбу, другие перевозят с острова на материк и обратно людей и грузы, а третьи, как мы недавно узнали, предназначены для тренировок – на них нас учат драться на качающейся палубе, не падая за борт. Наш наставник в этом – викинг Хаки, настоящий великан.

Мы ни на секунду не забываем, что нас взяли сюда с испытательным сроком. Тест на прочность нам могут устроить в любое время дня и ночи. К тому же, инструкторы буквально не сводят с нас глаз. Кто лучше и сильнее, кто самый многообещающий. Спрашивать, кому этого больше всего хочется, нет никакого смысла. К этому стремятся все, иначе мы не стали бы через все это проходить. Мы с Брокком тренировались несколько месяцев, чтобы попасть на подготовительный курс, из двадцати членов которого в отряд Лебяжьего острова войдут лишь двое-трое. Возвращаться домой никому не хочется.

Будь выбор за мной, я бы остановила его на Дау. Да, из всех новобранцев он, пожалуй, самый несимпатичный, но при этом превосходит остальных и в любых физических упражнениях, и в решении головоломок и разработке стратегий. Брокк в нашей команде не самый сильный, однако у него есть другие способности, которые Лебяжий остров может посчитать достоинствами. Думаю, наши наставники признают его таланты, хотя и не говорят об этом. У моего брата есть замечательное качество – он помогает другим сохранять спокойствие в суровых условиях наших испытаний. К тому же, своими чувствами, выходящими далеко за рамки обычных, он может делиться не только когда исполняет музыку, но постоянно. Что до меня, то

я зарекомендовала себя довольно хорошо. Хотя на острове живет и работает немало женщин, в том числе и наставниц, в элитном отряде их только двое. Двое, и это при том, что в отряде более пятидесяти человек. А в нашей команде новобранцев я – единственная девушка. Так что шансы не в мою пользу. Но я докажу свою состоятельность. Я приехала сюда не за тем, чтобы потерпеть поражение.

– Думаю, – говорит Дау, – Брокк сражается с Ливаун не в полную силу, потому что она женщина. Он вряд ли ущипнет ее за грудь или врежет ей между ног. И не станет сидеть, сложа руки, если кто-то пристанет к его сестре. Именно об этом говорит сейчас выражение его лица.

Я усилием воли заставляю себя не смотреть на Брокка, потому что и так знаю, что он сейчас чувствует. Гнусный Дау! Среди его талантов – способность безошибочно определять слабые стороны людей и их использовать. Знаю, это действительно может оказаться полезным, но я предпочла бы, чтобы к нам он подобные навыки не применял.

Арку молча ждет, давая нам полную волю порасшибать лбы.

– Дау, хватит пороть чушь.

Это говорит скандинавский новобранец, высокий и крепкий бородач Хротгар. Мы с ним хорошо поладили. Он рассказал мне, как обстоят дела в его родных краях, как женщины там могут при необходимости выступать в роли лидеров, воинов и заправлять всем в доме, и как их уважают, чем бы они ни занимались. Вместе с ним на Лебяжий остров хотела поехать и его сестра, но ей всего тринадцать – на пять лет меньше, чем мне.

– Брокк – отличный воин, – продолжает Хротгар, – почему, по-твоему, Ливаун достигла таких успехов? Потому что годами с ним тренировалась, вот почему. А у него свой собственный стиль, только и всего. И раз уж мы заговорили о том, чтобы сидеть, сложа руки, когда набрасываются на твоего товарища, будь то мужчина или женщина, то как бы ты сам поступил в такой ситуации?

– Наверное, когда-нибудь мне действительно придется это решать… – отвечает Дау. – А что если нас отправят с тайной миссией, а я выступлю в защиту товарища, то всех нас тем самым раскрою? Разве нам не говорили, что задание всегда должно быть превыше всего?

Он смотрит на Арку, но если наставник что-то ему и отвечает, его слова тонут в шуме дождя, неожиданно хлынувшего с новой силой. Ливень с ревом обрушивается на остров, затмевая собой все, что только доступно взгляду, и в одночасье ставит точку на любых разговорах. Арку машет рукой на ближайший дом, и мы бежим в укрытие.

Через несколько часов, после ужина, мы сидим в общем зале, а на улице по-прежнему льет, как из ведра. В этот час вся община собирается вместе, чтобы вдоволь поесть, попить и насладиться приятным дружеским общением. У горящего очага рассказывают разные истории, по кругу передают кувшины с медовухой и элем, а те, кто может петь или на чем-то играть, развлекают остальных. Мы с Брокком любим музыку. Дома нас то и дело приглашали на деревенские праздники и свадьбы. Мы даже играли на торжественных собраниях у наследного принца Далриады, что недалеко от нашего родового гнезда. О том, что мы музыканты, сообщество Лебяжьего острова узнало сразу – приехав с притороченной к спине арфой, Брокк заявил об этом весьма недвусмысленно.

Арку тоже музыкант. Его руки – сплошные мышцы, и с кельтским бубном он обращается так же, как с мечом, словно считая продолжением своего тела. В его игре слышится и топот ног воинов на марше, и биение сердец, и звуки мира островной природы: хлопанье могучих крыльев альбатроса, плеск выгнувшегося, уходящего под воду тюленя, шелест ветра среди соломенных крыш. Бубном он владеет так же мастерски, как и навыками практически любого боя. Ни о жизни до острова, ни о том, где и как он всему научился, Арку не говорит ни слова. А мы не спрашиваем. Но мне хочется когда-нибудь услышать его историю.

Вечером, после той схватки в грязи, Хаки рассказывает нам о временах, когда он был *ulfhednar*, то есть берсерком или Воином в волчьей шкуре. Роль этих бесподобных воителей

сводилась к тому, чтобы спрыгивать с носа ладьи, когда она подходила к берегу, и сеять ужас в сердцах врагов. Они дают богам клятву и, судя по всему, полубезумны. Нынешний рассказ касается топора, который долгое время приносил удачу своему владельцу. Но когда оказался в чужих руках, все изменилось. Эта история захватила нас всех, а мой брат, судя по чрезвычайно сосредоточенному выражению лица, уже сочиняет на ее основе балладу.

– И в ночь, когда Бриньолф испустил дух, – Хаки понижает голос едва ли не до шепота, – те, кто сидел у его ложа, клялись, что хотя топор лежал рядом с ним на носилках, в воздухе звучал его голос, исполнявший песнь острого клинка: «Домой, мой преданный хозяин, пойдем домой в обитель богов! Тому же, кто меня у тебя украл, я говорю: проклинаю тебя за предательство друга! Пусть меч твой затупится, а рука ослабеет, пусть враг смеется тебе в лицо до самой твоей смерти!»

Замечательная история. И какое кому дело, правда это или ложь? Теперь наша очередь всех развлекать. Мы на скорую руку составили квартет: я, Брокк, Арку и Имер – девушка, хорошо играющая на свирели. Я тоже умею на ней играть. Когда играешь вместе с другими, чем больше инструментов освоишь, тем лучше. Мы с Имер закручиваем вихрь, словно играя в вопросы и ответы, отсчитывая по очереди восемь тактов и постепенно наращивая темп. Ближе к концу те, кто считает себя танцорами, валятся с ног и хохочут до упаду. Странно, но это кажется правильным. В бою воины Лебяжьего острова – лучшие из лучших, об их подвигах слагают легенды и приглушенными голосами рассказывают у костров по всему Эрину. Но в такие минуты они превращаются в одну большую, сердечную семью.

На нас сыплются просьбы исполнить разные песни. К счастью, мы знаем почти все из них. Вечернее представление, как правило, начинается с баллад, причем баллад великих, повествующих об великих походах, об истреблении чудовищ, об освобождении пленников. Затем мы переходим на более скромный репертуар, повествующий о том, как злополучный третий сын удостоился руки принцессы, впоследствии доставившей ему гораздо больше неприятностей, чем он ожидал. Далее следуют похабные песенки, вполне уместные в бражном зале, трагические баллады о загубленной любви, и марши, которым подпевают старики, независимо от того, помнят они их слова или уже нет. Мы с Брокком любим сочинять и мелодию, и слова. Наши голоса прекрасно гармонируют друг с другом: мой – сильный и глубокий, его – воздушный и чистый, проникающий прямо в душу. Дома нас то и дело просили петь любовные песни, которые годятся для помолвок.

В случае с Лебяжьим островом они представляются не столь очевидным вариантом, но сегодня, видя, что сзади сидит Дау, зевая и даже не пытаясь скрыть скуку, я, вместо того, чтобы выбрать что-нибудь ему по душе, – хотя поди узнай, что ему нравится, а что нет, – решаю подарить ему самую милую и романтичную песнь из нашего репертуара и шепчу своим друзьям-музыкантам: «Прощание». Брокк слегка приподнимает бровь, но ни он, ни Арку не возражают.

«Прощание» – баллада, от которой плачут все – и женщины, и мужчины. Наша аранжировка начинается с арфы соло. Из ее струн Брокк извлекает мелодию, которая начинается с низких нот, а затем устремляется вверх, заканчиваясь не на последней, но на шестой с конца, рождая ощущение неоконченного путешествия или вопроса, который так и остался без ответа.

Ты пойдешь со мной, куда пойду я?
Ты будешь рядом и в радости, и в горе?
Когда солнце согревает холмы,
И когда штормом волнуется море,
Ты будешь со мной – на свету и в тени?

Ах, я пойду за тобой, куда пойдешь ты,

Я буду рядом и в радости, и в горе,
И в грозу и в затишье,
Я охраню тебя силой моих рук.

С этой песней влюбленные вместе идут по жизни. Наступает радостный день их свадьбы, момент, когда муж впервые берет на руки новорожденного сына, время, когда он строит дом с окнами на море. Они идут рука об руку, как и обещали. Но вот приходит час, когда мужа ранят, рана воспаляется и влечет за собой смертельную болезнь. В итоге он ступает на путь, по которому она не может пойти вместе с ним, по крайней мере, пока. Ей надо вырастить ребенка, надо жить дальше, чтобы воспитать их сына сильным, храбрым и мудрым. И муж говорит:

Я не могу пойти за тобой, куда пойдешь ты,
Я не могу быть рядом в радости и в горе,
Но буду поблизости, пусть и невидимый тебе,
И буду любить тебя и охранять,
Пока мы не свидимся в божественном свете.

Последний куплет Брокк поет один, и его голос звучит все тише. А на последних нотах переходит на проникновенный шепот, и присутствующие долго молчат – никто из них даже не в состоянии пошевелиться. Потом бражный зал наполняется громом аплодисментов, я вижу, как многие вытирают глаза, одни украдкой, другие открыто, и если смысл хорошей песни не в том, чтобы всколыхнуть чувства, то в чем тогда?

По столам грохочут кулаки.

– Еще! – скандирует публика.

Однако Брокк выдохся, я давно научилась видеть его насквозь – минувший день подверг суровому испытанию и его тело, и дух.

– Еще одну и все, – кричу я, перекрывая гомон, – и чтобы никакой тоски.

– «Скачущего Артагана» давай! – восклицает кто-то.

– Ну что же, давайте посмотрим, на что вы способны в танце!

Мы с Имер подносим к губам свирели и затеваем джигу, ритм которой нам отбивает Арку. Четыре такта спустя в мелодию начинает вплетать свою магию арфа Брокка, но время уже позднее, поэтому многие довольствуются тем, что топают ногами, стучат кулаками по столам или хлопают в ладоши. Мы постепенно подходим к победному концу. Я желаю всем доброй ночи, улыбаюсь и слегка кланяюсь, недвусмысленно давая понять, что вечерний концерт окончен. Собравшиеся разбирают накидки и шарфы, висящие у огня, и выходят из зала. Судя по всему, дождь утих, а то и вовсе перестал. Если повезет, я смогу добраться до женской казармы, не вымокнув.

А вот и Дау – прислонился к дверному косяку и, по сути, перегородил мне дорогу.

– Хорошее сегодня вышло представление.

– Спасибо, – говорю я, захваченная врасплох, – не думала, что ты питаешь хоть какой-то интерес к музыке.

Мимо нас проходят другие, желая воспользоваться преимуществом в виде короткого перерыва в ненастье.

– Мне приходилось слушать многих бардов, от замечательных до никудышных.

Тон Дау максимально нейтрален, ведь он всегда старается говорить дружелюбно.

– Ты хорошо поешь. Не понимаю, зачем тебе зарабатывать на жизнь схватками, в то время как ты могла бы заниматься чем-то более…

Он не договаривает фразы, и она тает в воздухе.

Задолго до того, как мы с братом приехали на Лебяжий остров, я стала работать над своим характером, зная, что если здесь что-то и может доставить мне неприятности, так это моя склонность бездумно говорить, особенно в минуты гнева. Поэтому я молча считаю до пяти и только потом поднимаю брови и говорю:

– Чем-то более подходящим для женщины? Более подобающим?

– «Подобающее», Ливаун, не то слово, которое я стал бы использовать по отношению к тебе. Даже если ты в таком наряде.

Он кивает головой на мой концертный костюм: вместо обычных штанов и туники у меня под накидкой платье из грубой домотканой шерсти и светло-желтая холщовая пелерина. На ногах – мягкие туфельки вместо ботинок, а волосы, для сражений убранные в высоко заколотую косу, я распустила.

– Я, правда, не понимаю, зачем женщине проводить свои дни, обучаясь эффективным способам убивать, – говорит Дау, – а по вечерам петь любовные баллады. Неужели она не может отдать себя без остатка либо тому, либо другому?

В зале за моей спиной убирают со столов, подбрасывают в костер дров, желают друг другу спокойной ночи. Я смотрю мимо Дау в темноту, озаряемую несколькими факелами, которые освещают дорожку, ведущую от зала к казармам. Этот его странный вопрос нельзя оставлять без ответа. Но уже поздно, в любой момент может снова хлынуть дождь, а развлекать толпу – работа не из легких. И изнуряет почти так же, как день, проведенный в сражениях на тренировочной площадке.

– Ты хочешь сказать, что человек, обладающий двумя талантами, не может успешно реализовать оба? – спрашиваю я.

– Если они равны, то было бы разумнее сосредоточить усилия либо на одном, либо на другом.

Прислонившись к косяку, Дау расслабляется и, похоже, никуда не торопится.

– Допустим, ты ведешь за собой других, в роли короля или вождя клана, но при этом у тебя хорошо получается…

– Успокаивать капризных детей? – перебиваю его я, а когда он бросает на меня сердитый взгляд, добавляю: – Красиво вышивать? Резать по дереву?

– Я привел тебе серьезный аргумент.

– Я тоже.

– Чушь собачья, Ливаун. Королю не надо орудовать иглой или присматривать за детьми.

Я улыбаюсь, не в состоянии ничего с собой поделать.

– Но он ведь может и захотеть, – отвечаю я, – и при этом поведет себя ничуть не эксцентричнее, чем женщина, решившая стать хорошим бойцом. При этом навыки, приобретенные в ходе таких занятий – ухода за детьми, вышивания и им подобных, – могут оказаться очень даже полезными в разговорах с обожающими спорить советчиками, позволяя делать по одному маленькому шажочку за раз. Они, к примеру, развивают терпение. И точность.

– Покажи мне короля, умеющего красиво вышивать, и я признаю, что твой аргумент действительно справедлив.

– Сомневаюсь, что у меня когда-нибудь будет такая возможность, в здешних краях их что-то маловато.

Я не стану делиться с ним сведениями о том, что мы с братом в хороших отношениях с наследным принцем Далриады или что наши родители – близкие друзья его отца.

– А у тебя, Дау, есть другие таланты? У такого способного парня, как ты?

– Не твое дело.

Выражение его лица мгновенно меняется, наводя на мысль о звере, который рычит, видя перед собой острие пики. Как я умудрилась его спровоцировать?

– Разве не ты завел этот разговор? – говорю я, стараясь вложить в голос побольше беспечности.

– Как оказалось, бесполезный. Спокойной ночи.

– Не напрягайся, не стоит.

Я запахиваю накидку и ухожу.

– Эй, Ливаун! – долетает до меня его голос.

– Что?

Я даже не оборачиваюсь.

– Одолей меня в бою без оружия, в двух схватках из трех, и я признаю правоту твоего аргумента.

– Я уже забыла, о чем мы говорили, – лгу я.

– Боишься драться со мной?

– Ничуть, и ты это прекрасно знаешь. Но очень осторожно отношусь ко всяким пари, особенно если при этом можно нарушить установленные на острове правила.

– А мы все сделаем официально. Получим у Арку разрешение.

Я, конечно, соглашусь. Никогда не могла устоять перед вызовом. Дау, должно быть, это знает, он у нас наблюдательный.

– И что конкретно ты собираешься этим доказать?

Помимо своей воли я поворачиваюсь и смотрю ему в глаза.

Дау застывает в нерешительности. Факел над дверным проемом превращает черты его лица в мерцающую маску с залегшими под глазами тенями. За сообразительностью и насмешливыми манерами, как мне кажется, скрывается что-то еще. Он что-то мастерски прячет.

– Что если хочешь быть лучшим, надо уметь отдавать все свое тело, разум и душу! – говорит он. – Отдавать избранному делу всего себя. Это предполагает только одно призвание; и если ты лучший, то отдавать тебе больше нечего.

Несколько мгновений я стою и молча смотрю на него, а когда вновь начинается дождь, моросящий и тихий, наконец, говорю:

– Я принимаю твой вызов. Не с тем, чтобы оспорить эту теорию, а только потому, что знаю – мне по плечу тебя одолеть. Но только если нас благословит Арку, и ты не приготовил мне какой-нибудь ловушки.

Он кривит рот.

– Никаких ловушек. Если не считать ей меня самого. Вот теперь спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – бормочу я и бегу к женской казарме.

Что его мучает? Он сын вождя клана со всеми вытекающими преимуществами. И при этом еще весьма представительный образчик мужской половины рода человеческого – высокий, мускулистый, с золотисто-пшеничными волосами. Он многим мог бы показаться красивым, если бы не выражение лица, которое он намеренно демонстрирует окружающим. Если бы мне захотелось затащить кого-то из новобранцев в постель, что совсем не мой случай, потому что за это меня вмиг отослали бы с острова, то Дау оказался бы не среди первых. Хороший характер для меня важнее красоты. Хотя должна признать, что если у человека есть и то, и другое, это лучше всего.

Когда я снимаю промокшую накидку и ищу ночную рубашку, то понимаю, что в ходе этого странного разговора неоднократно упоминался мой брат. И если Дау считает, что я не могу добиться успеха на воинском поприще, одновременно занимаясь музыкой, то это в равной степени относится и к Брокку. К нему даже больше, ведь если кто и вкладывает в музыку все сердце и душу, то это он. Мне нравится петь и играть, я всегда стараюсь делать это хорошо. Однако Брокк погружается в музыку с головой и ему требуется время, чтобы вернуться обратно. Именно поэтому я разговариваю в перерывах между балладами, песнями и хороводами. У меня есть подозрение, что истинная причина предложенного Дау пари не имеет

к музыке никакого отношения. Я побеждала его в бою с шестами и несколько раз показывала лучшие результаты в стрельбе из лука. Для него попросту неприемлема мысль, что женщина может превзойти его в столь многих состязаниях. Поэтому если он выиграет, бросив мне вызов, это принесет ему особенное удовлетворение.

2. Дау

Шестьдесят третий день на Лебяжьем острове. Я добавляю к своим итогам результаты вчерашних боев. Записать их нельзя, потому что в наших общих казармах нет письменных принадлежностей. К счастью, у меня отличная память. Благодаря нынешней сумме баллов, я по-прежнему возглавляю список лучших, хотя четверо других дышат мне в спину, внося дискомфорт. В том числе Ливаун. Я думал, что после многообещающего старта, который является результатом ее энергии и безграничной веры в себя, она долго не продержится. Но теперь вынужден признать, что для женщины она сильна и хорошо подготовлена, но явно не профессионалами. То же самое и ее брат – его я тоже отнес бы к числу избранных, хотя, по сравнению с ней, у него меньше шансов занять место в отряде. Разница между ними поразительна. Ливаун высокая и атлетически сложенная, хотя бесспорно обладает женственными формами. Брокк не так высок и крепок, как сестра, но в его глазах видна сила, неизменно приковывающая взгляд, особенно когда он поет. Если бы бой можно было выиграть с помощью музыки, то это как раз его случай. Волосы Ливаун огненно-рыжие, а Брокка – темные. Глаза у нее зеленые, а у него карие. Может быть, каждый из них похож на одного из родителей. Может статься, ни он, ни она не закончат курса. По вполне понятным причинам старейшины острова должны дважды подумать, прежде чем зачислять на службу брата с сестрой. В ходе миссии инстинкт защищать родную кровь наверняка помешает трезвости суждений. А если каждый раз думать о том, чтобы не посылать их вместе на ту или иную операцию, разве это не помешает ее успешному выполнению?

Кого из нашего отряда я бы выбрал на месте Арку? Конечно себя. И всерьез рассмотрел бы кандидатуру Хротгара. Крепок, разносторонне одарен, прекрасно владеет собой. Викинг никогда не прибегнет к грязным приемам, которыми пользуется Ливаун. Из всех новобранцев я предпочел бы именно с ним встать плечом к плечу в бою.

В моем нынешнем списке Ливаун идет второй, третьим, с небольшим отрывом, Хротгар, четвертым, как ни странно, Брокк, а пятое место делят Чианан и армориканец Йенн. Навыки ведения боя, естественно, являются лишь одним из мерил наших достоинств. Кто знает, какими соображениями будут руководствоваться наши наставники, отбирая тех немногих, кого им захочется оставить? Я наблюдал за штатными воинами их отряда из числа тех, которые на данный момент не выполняли очередную миссию, а оставались на острове. И обратил внимание на общие для всех физические черты, манеры, повседневные привычки. По сравнению с другими новобранцами это может стать для меня преимуществом. Как я могу не выйти победителем в схватке, выявляющей лучшего из троих? До сего дня инструкторы не устраивали нам схваток без оружия, хотя каждый из нас уже сходился на поле боя с большинством других. Ливаун выиграла пятнадцать боев и проиграла два. Бойцы, которых ей удалось одолеть, в первую очередь видят в ней женщину и только потом воина, делают скидки, идут на уступки, а она извлекает из этого все мыслимые преимущества. Я не могу ее за это критиковать и на ее месте делал бы то же самое. Да, бросить в лицо грязь – действительно коварный прием. Но воспользоваться моментом, когда противник утратил бдительность и выбит из равновесия, значит проявить стратегическое мышление. Ни один такой момент не ускользает от внимания наших наставников.

Мне жаль, что я повел себя так неосторожно, когда говорил с ней. *Чтобы стать лучшим, надо уметь отдавать все свое тело, разум и душу.* Что на меня нашло, почему я сказал это именно ей? Мне хотелось выбить ее из колеи и проверить ее волю к победе. Но разговор ушел в сторону, и слова бесконтрольно вырвались изо рта. И это проявление слабости, чего я себе позволить не могу. Мне нужна победа любой ценой. Я должен остаться на острове. Так или иначе. Если меня отправят домой, для меня все будет кончено.

3. Брокк

Этот остров так же далек от дома, как какая-нибудь земля древних сказаний, хотя в милях расстояние между ними и невелико. Ему присуще одно качество, не дающее мне покоя, некая странность, которую не описать словами. Как-то раз я забрел в пещеру на его западной оконечности, обитель великого покоя с подземным озерцом, отражавшим свет, лившийся из провала высоко вверху. Я заглянул в воду и увидел отражение, которое не было мной.

Ливаун, по крайней мере, использует все возможности, которые ей предоставляет Лебяжий остров. Это оправдывает мое решение отправиться сюда вместе с ней. Никто не знает, как дорого оно мне обошлось, и я сделаю все, чтобы никто и не узнал. Родители дали мне лучшую во всем Эрине любящую семью и дом, о котором можно только мечтать. И когда я этот дом покинул, в сердце поселилась тоска, а душу сжали ледяные пальцы страха. Сражаться я не боюсь. Я страшусь неизвестности и возможности получить ответы на вопросы, которые не хочется задавать.

Несмотря ни на что, я делаю все возможное, чтобы остаться на острове. Занятия и тренировки идут на пользу и Ливаун, и мне. Мы сражаемся на равных с сыновьями вождей кланов, специально обученными отцами, мастерски владеющими всеми видами оружия. У Ливаун больше способностей к этому, и воля к победе у нее тверже. Она рвется вперед с почти пугающим напором. Глядя, как за ней наблюдают другие, я думаю, что каждый из них разрывается между завистью и негодованием от того, что женщина может так хорошо драться. То, что она добивается своего столь целеустремленно, смущает их. Некоторые пытаются донимать ее насмешками, считая, что она согревает постель мужчины – не одного, так другого. С такими она не церемонится.

Хвала богам, покровителям музыки. Арфа для меня дорожная карта и магнит, утешение и бальзам на душу. Она, как ничто другое, успокаивает кружащие в голове мысли. Каждый вечер я играю и пою. Даже в бою мозг переполняют мелодии и слова баллад. Я рад, что здесь есть возможность радовать музыкой сердца других. Сначала я боялся, что из-за страстного стремления доказать свою состоятельность в бою Ливаун поставит крест на других увлечениях, посчитав их напрасной тратой времени и сил. Но нет, она все так же поет, а окружающие в такие минуты умолкают, чтобы ее послушать.

Хотел бы я написать родителям. Рассказать им о нашей жизни на острове. Передать привет Гэлену и наилучшие пожелания принцу Айлу. Сказать, что хотя я по ним очень скучаю, остров предоставляет столь огромные возможности, что у меня и в мыслях нет отсюда уезжать. Кто не хочет отличиться? Кому не хочется влиять на ход сражений и умы сильных мира сего?

Но я не стану лгать. Даже в мыслях.

4. Ливаун

– *Что*? – переспрашиваю я, вижу выражение лица Арку и выдыхаю. – Прошу прощения, не могли бы вы повторить?

– Вас отобрали для выполнения задания. Обоих.

Это говорит Кинела, старейшина острова, седобородый ветеран. Когда посыльный привел нас с Брокком в малый зал совещаний, и мы увидели, что нас ждут Кинела с Арку, я почти не сомневалась, что нас вот-вот отправят домой. Это невероятно!

– Времени на подготовку у вас немного, – продолжает Кинела, – пара дней, не больше. Ехать туда долго, а когда доберетесь до места, мешкать будет нельзя. Поскольку ваша подготовка еще не закончена, я даю вам шанс отказаться, и наказания в этом случае вам не грозят. Вы наверняка знаете, что отправлять новобранцев с миссией до того, как их зачислят в наши ряды, довольно необычно. Это не очередное упражнение в рамках учебного курса. Задание не только реальное, но и опасное. А ваша подготовка еще очень далека от совершенства. Но вы нам нужны.

Это правда, клянусь штанами Морриган[1]! Это происходит со мной на самом деле. Ушам не верю. Новобранцев не отправляют на задания. Это наверняка означает, что мы проявили себя хорошо. На редкость хорошо. Я открываю рот, чтобы сказать: *«Да! Да!»*

– При всем нашем уважении, мастер Кинела, – слегка дрожащим голосом говорит Брокк, – было бы неосмотрительно принимать решение, когда мы ничего не знаем об этой миссии. Что вы можете нам о ней рассказать?

– Присаживайтесь, – говорит Кинела.

Мы садимся, и он разворачивает на столе пергамент. Это карта с отмеченным красными чернилами маршрутом, который проходит мимо черных линий и условных обозначений – побережья, лесов, рек, поселков, дорог и проселков. Кинела обводит пальцем участок карты.

– Это Лебяжий остров. Наша группа верхом отправится вот сюда, в пункт назначения на юге. В пути придется провести несколько дней.

Это королевство Брефна, он хоть и закрывает его название пальцем, но я знаю, что это оно.

– Для прикрытия группа получит легенду. Остальные подробности я сообщу, если вы дадите согласие на участие в миссии. В любом случае, мы раскрываем информацию только в рамках строгой необходимости, не более. Даже здесь, где все люди проверены и заслуживают доверия.

За исключением новобранцев. Этих слов он не произносит, однако в них есть смысл. Большинство из нас, в конечном итоге, покинут остров и разъедутся по домам. А когда тех, кто потерпел неудачу, отошлют, никто не сможет дать гарантий, что они сдержат обещание, которое каждый из нас давал, когда его зачисляли на курс – не рассказывать ни о чем, что мы здесь видели и слышали, чем бы это ни было.

– На многие вопросы вы, конечно, пока ответить не можете, – говорю я, – но не могли бы вы сказать, чем нам предстоит заниматься? В общих чертах. И сколько человек будет в группе?

Мне удается говорить спокойно, что настоящее чудо, если учесть, как гулко бьется сердце.

– Трое, – отвечает Кинела.

– Кто будет третьим? – спрашивает Брокк.

---

[1] Морриган (*ирл.* Mór-ríoghain, «Великая Госпожа Воронов», «Великая королева») – богиня войны в ирландской мифологии.

– Я, – не без некоторого веселья в голосе отвечает Арку. – Будет еще группа поддержки на случай непредвиденных проблем. Они будут самостоятельно следить за ситуацией, но главная их задача – помочь нам, если на нас свалятся неприятности. Они поедут отдельно от нас, и контакты с ними мы сведем к минимуму. Что же касается характера задания, то… пропала одна вещь, которую нечем заменить, и некоей влиятельной персоне важно отыскать и вернуть ее до Дня летнего солнцестояния. Сделать это надо так, чтобы о пропаже никто не узнал. Это будет нелегко. Легенды будем придерживаться, пока не выполним задание и не вернемся домой целыми и невредимыми. Напрямую расспрашивать о пропаже не получится, это может вызвать подозрения. Здесь потребуются осмотрительность, проницательность и наблюдательность. Равно как и умение играть отведенную вам роль.

– Нам не известно, кто за этим стоит, – говорит Кинела, – но, раскрыв себя, вы не только провалите миссию, но и навлечете на свои головы опасность. Маскировка, к которой вы прибегнете, не позволит открыто носить оружие. За исключением, пожалуй, небольшого ножа на поясе. И только. Если согласны, Арку объяснит вам правила применения силы.

– То есть, нам предстоит не столько драться, сколько шпионить.

– Верно. Ну, что скажете?

Я смотрю на Брокка. Он смотрит на меня.

– Согласны! – хором отвечаем мы.

Я стараюсь сдержать широкую улыбку. И даже представить не могу, почему они выбрали нас, а не закаленных воинов. Лучше не спрашивать – Кинела может подумать, что я сомневаюсь в его решении.

– Замечательно, – говорит он, – для меня ваше согласие – большое облегчение, потому что других музыкантов вашего уровня у нас сейчас нет, а на время выполнения миссии вы именно ими и станете: бродячими артистами, развлекающими публику. Нам нужно, чтобы вы явились ко двору Брефны, не вызвав подозрений.

Меня словно бьют под дых. Бродячие музыканты. Значит, нас выбрали не благодаря боевым навыкам, не за храбрость или находчивость, а только потому, что мы умеем петь и играть. У меня нет слов.

– Что нам предстоит искать? – спрашивает Брокк, судя по голосу, немало смущенный.

– Арфу. Но арфу совершенно особенную. Древнюю и единственную в своем роде, на которой играют исключительно во время церемонии коронации короля Брефны. Ее называют Арфой Королей. В глазах народа Брефны она обладает сакральным смыслом. Если обряд коронации не сопровождается игрой на ней, подданные не примут того, кто восходит на трон. Даже если у него, как в нашем случае, на это есть все права.

Несмотря на охватившее меня разочарование, я заинтригована.

– А кто хранит ее в перерывах между этими редкими торжествами?

– Местные друиды. Прячут ее. Но она исчезла. Ее украли или перепрятали. Поэтому в рамках задания нам нужно выяснить, кому и с какой целью понадобилось нарушить обычай.

– Но на любой арфе надо играть, – говорит Брокк, – и не раз в несколько лет по особым случаям, а каждый день. А если арфа старая, ей требуется хороший уход, но, в любом случае, она не вечна. Насколько он древний, этот инструмент?

– Этого я сказать не могу, – говорит Кинела, – и при дворе Брефны вам нельзя будет спрашивать об этом. По крайней мере, напрямую. Но если об Арфе Королей заговорит кто-то другой, что в преддверии грядущего торжества вполне возможно, то ты, как арфист, вполне можешь об этом поболтать.

– Что вы можете сообщить нам о человеке, который в День летнего солнцестояния намеревается стать королем? – спрашиваю я.

– Старый король Аэнгус скончался несколько лет назад. Этот молодой человек его сын. В Брефне королем может стать только достигший восемнадцатилетия и всегда в День летнего солнцестояния. Нынешний наследник, Родан, уже готов.

– А кто правит после смерти последнего короля?

– Его родственник, регент Кора. Именно лорд Кора обратился к нам за помощью. К несчастью, его послание задержалось в пути, поэтому на успешную реализацию миссии времени у нас мало. Именно с ним, по прибытии на место, вы будете общаться, хотя эта роль, главным образом, отводится Арку. Тех, кто знает о пропаже арфы, можно пересчитать по пальцам одной руки. Верховный Друид и его самый доверенный собрат. Главный советник Коры. Наследнику Родану ничего не сказали. Кора опасается, что если правда об арфе выплывет наружу, право Родана на престол кто-то может попытаться оспорить, даже если вы вовремя ее найдете. Претендента должны одобрить все, иначе проблем не миновать. Нам предстоит вернуть арфу друидам, сохранив все в тайне.

Чувство, что у меня сосет под ложечкой, улеглось. Какими бы необстрелянными мы ни были, они оказывают нам невероятное доверие. Если мы справимся, наши шансы остаться на Лебяжьем острове возрастут, даже если никому из нас не придется драться.

– Когда отправитесь на задание, любые намеки на то, кто вы такие на самом деле, останутся здесь, – предупреждает Кинела, – каждый из вас получит новое имя, новую семью и легенду. Этими деталями займется Брида. Она по таким вещам главный инструктор и все подготовит. Учиться придется быстро. Самое трудное, особенно когда это для вас внове, держать рот на замке, когда на тебя давят. Не признаваться, откуда и зачем ты явился; не выдавать товарищей. Такой навык не развить никакой тренировкой.

Он что, намекает, что если нас раскроют, то могут пытать? Я помню слова Дау после той схватки в грязи – он сказал, что не станет вмешиваться, когда на его товарища нападут, если у него не будет другого способа не сорвать миссию.

Арку пристально смотрит на меня, словно знает, о чем я думаю.

– Мы не стали бы отправлять вас на это задание, если бы боялись, что вы не справитесь, – говорит он, – миссия самая что ни на есть настоящая и важная, поэтому мы не стали бы рисковать, не будь она вам по плечу. Этим утром вы, как обычно, отправитесь тренироваться вместе со всеми. А днем мы перевезем вас на материк и поселим в лагере, где вам предстоит пройти специальную подготовку, в том числе – запомнить свои легенды. Само собой разумеется, что товарищам ничего говорить нельзя. Ведите себя так, будто для вас это самый обычный день. После обеда я за вами зайду.

– Понятно, – говорю я.

Интересно, а что после нашего исчезновения скажут остальные? Какую легенду подсунут им, чтобы оправдать наше отсутствие?

– Спасибо за предоставленную возможность, мы сделаем все от нас зависящее, – заверяю я.

– Благодарить будете, когда все закончится, – отвечает Кинела.

Когда нам велят собрать только самое необходимое, я не удивляюсь. Мы уйдем быстро и незаметно, пока остальные новобранцы на другом конце острова будут совершенствовать умение лазать по канату. Я беру небольшой мешочек и складываю в него все, что нам разрешили взять с собой. Единственное оружие для меня теперь нож в ножнах, снаряжение, защищающее человека в бою, придется оставить здесь, ведь мне предстоит выступать в роли музыкантши, а не воина. Упаковываю три своих свирели. Кладу пару штанов, которые мне разрешили надевать под платье, чтобы скакать верхом. Добавляю несколько личных вещей, запасную рубашку и носки, хорошее платье и накидку, которую обычно надеваю, когда играю и пою на публике. Это немного.

Брат ждет меня у казармы. Его мешок уже упакован, а арфа в защитном кожаном чехле приторочена к спине. Вокруг никого.

– Давай спустимся к пристани, – предлагаю я, – странно, что мы ни с кем не попрощались, но, наверное, мы скоро вернемся.

Брокк криво улыбается.

– Но будет вдвойне странно возвратиться после того, как им скажут, что нас отправили домой. Для нашего внезапного исчезновения это самое правдоподобное объяснение. Дау будет счастлив, ведь ты для него – главный соперник. Поэтому когда мы вернемся, он будет в ярости.

– Войдет в число избранных и останется на острове.

Здешние правители решат, что поскольку Дау сын вождя клана, в него заложен потенциал будущего лидера. Шансы в его пользу.

– Хотя мне и досадно это признавать, – добавляю я, – он хорош буквально во всем.

– Да, согласен, его боевые навыки действительно изумительны. Но умение хорошо сражаться – еще не все. Ты же видишь, как обитатели острова ведут себя друг с другом. И знаешь правила поведения, которым каждый из них следует. Дау надо учиться терпимости, чувству локтя, объективности и… словом, ты понимаешь, что я имею в виду. Для некоторых освоить эту науку гораздо труднее, чем поражать цель в девяти случаях из десяти или побеждать противника с помощью палицы.

– Х-м…

Мы подходим к пристани, на которой ждет больше народу, чем можно было ожидать. Я щурюсь от солнечного света, пытаясь всех разглядеть.

– Арку, – услужливо подсказывает Брокк, наделенный на редкость острым зрением, когда мы спускаемся вниз по обрыву, – Брида, двое паромщиков. Еще Иллан – ты его знаешь, это тот высокий, костлявый парень, который часто работает на материке, и… слушай, тебе это не понравится.

Последнего я вижу сама. На Лебяжьем острове больше ни у кого нет таких русых волос и такого вида безразличного превосходства, заметного даже на расстоянии по тому, как он стоит.

– Клянусь штанами Морриган! Что он здесь делает?

У него такой же мешок, как у нас. На плечо наброшена накидка. Нет, он не может ехать с нами. Или, все-таки может?

– Разве Арку не говорил нам о вспомогательной группе? – напоминает Брокк.

– Но почему выбрали именно Дау?

Все это немного странно. Обсуждая перспективы парня, мы словно вызвали его дух, а вместе с ним и его самого.

– Ни музыкантом, ни закаленным воином его назвать нельзя.

– Может быть, – отвечает брат, – то, что нам сказали, не совсем правда. Это может оказаться не столько миссией, сколько проверкой.

– На что?

– На то, чему каждый из нас должен в первую очередь научиться.

По пути на материк мы узнаем, что во вспомогательную группу выбрали Иллана и Дау. Им тоже подобрали роли, подходящие для королевского двора накануне большого праздника. Иллан до приезда на Лебяжий остров работал кузнецом, а в королевских конюшнях Брефны наверняка потребуется не одна пара дополнительных рабочих рук. Дау будет изображать его помощника. Для человека его происхождения масштаб не ахти. Охота, в том числе и соколиная, – неотъемлемая часть жизни благородного вельможи. Он должен уметь обращаться с лошадьми, но при этом у него может войти в привычку по возвращении с охоты доверять своего скакуна конюху. Дау силен, и в физическом плане обладает многими талантами. Под присмотром Иллана этого может оказаться достаточно.

Нам известно, что в лагере на материке есть конюшни и площадка для обучения навыкам верхового боя. Известно и то, что местные жители оказывают сообществу Лебяжьего острова различные услуги. Об Амбаре мы раньше ничего не знали. Раньше в этом строении наверняка держали скот, хранили сено и сельскохозяйственные орудия. Сейчас Амбар превратился в хорошо охраняемый лабиринт комнат и мастерских, в которых вдали от посторонних глаз приобретаются и оттачиваются специальные навыки. На одном его конце расположились казармы – мужская и женская, разделенные тонкой перегородкой.

– Много отдыхать вам не придется, – говорит Брида, показывая нам на жесткие и узкие соломенные лежанки, – надо многому научиться, а времени мало. Так что складывайте снаряжение и приходите ко мне вон в ту длинную комнату.

Она сразу заставляет нас пользоваться только вымышленными именами. Брокка теперь зовут Доналом, меня Кирой. Арку отныне Арт, к тому же мой дядюшка. Мы с ним достаточно похожи – высокие, широкоплечие и светлокожие, – чтобы в это можно было поверить. Дядюшка Арт холост и обращается со мной, как с дочерью. Для выполнения задания Брида решила не делать Донала с Кирой братом и сестрой, в отличие от нас с Брокком в реальной жизни, потому что внешне между нами нет ничего общего. По легенде, Донал присоединился к нам с дядюшкой Артом в надежде посмотреть мир. Наша родная деревня расположена у черта на куличках на северо-востоке – достаточно далеко для того, чтобы при дворе Брефны оттуда никого не оказалось. На всякий случай Брида заставляет нас выучить все о тех краях. Название деревни выдумано, расположена она в глуши, я по легенде путешествую с дядюшкой после смерти родителей, которые умерли от чумы, когда мне было четырнадцать.

– Итак, Кира, – говорит мне в первое утро Брида, когда мы еще раз проходимся по моей истории, – предположим, после вечернего представления какой-нибудь парень отводит тебя в сторонку и кладет руку на грудь или лапает сзади. Как ты отреагируешь?

Я знаю, какой была бы моя реакция в реальной жизни – быстрой, решительной и болезненной для нахала. Но Кире не полагается быть сильной и стремительной, как Ливаун. Как и кровожадной.

– Дам ему пощечину, – говорю я, – а потом закричу и позову на помощь дядюшку Арта.

– А если дядюшка Арт будет далеко и не сможет тебя услышать?

– Ударю коленом в пах, достаточно сильно, чтобы сделать больно, но при этом не причинить вреда. И скажу: «Погоди, вот узнает об этом дядюшка Арт, он тебе задаст».

Я на мгновение задумываюсь и добавляю:

– Но лучше этого вообще не допускать. Не стоит уединяться с незнакомцами в темных углах.

– Твоя реакция на грубое обращение со стороны мужчины может наступить еще до того, как ты вспомнишь о своей роли, – говорит Брида, – ты можешь ответить с быстротой молнии и изувечить парня, тем самым продемонстрировав свои пугающие боевые качества, чего нам очень не хотелось бы. Одно дело сказать мне, что ты сделаешь, и совсем другое сделать это на практике. С другой стороны, все увидят, что ты девушка крупная и сильная и, если повезет, будут вести себя осторожно.

Она переводит взгляд на Брокка. Брида – женщина лет сорока, худощавая и мускулистая. Когда она смотрит на кого-то, создается впечатление, что ее взгляд пронзает того насквозь. Я понятия не имею, как ей это удается. Если мне посчастливится войти в число избранных и остаться на Лебяжьем острове, она, надеюсь, научит меня этому.

– Ну, Донал, – решительно говорит Брида, – если какой-то незнакомец станет приставать к девушке, с которой ты играешь дуэтом, как ты поступишь?

– Дам Кире шанс справиться с ним самостоятельно. Но при этом буду следить за происходящим, и если приставала посмотрит в мою сторону, дам ему понять, что меня это злит. А на помощь приду, только когда меня об этом попросит Кира. Если, конечно, попросит. В

схватку вступать не стану. Сурово его отчитаю. Как вариант, пригрожу рассказать обо всем дядюшке Арту.

– Как, неужели ты не возьмешь дело в свои руки?

Брокк отвечает Бриде холодным, спокойным, хмурым взглядом, в точности таким, как у нее.

– Только если пойму, что Кире действительно угрожает опасность. Я знаю, что она вполне может защитить себя сама. И если это выставит меня в глазах обидчика трусом, так тому и быть. В идеале ни она, ни я не должны доводить ситуацию до стычки. Дядюшки Арта это тоже касается. Не дело, когда днем человек кого-нибудь дубасит, а вечером теми же руками играет на музыкальном инструменте. Хотя с момента нашего появления на острове мы с Ливаун только этим и занимаемся.

Наступившая тишина красноречивее любых слов.

– Я, конечно же, хотел сказать с Кирой, – поправляется Брокк.

– Больше не допускай ошибок, Донал. Малейшая оплошность может навлечь на тебя крупные неприятности и сорвать миссию. Это крайне отрицательно отразится на Лебяжьем острове и его правителях. Мы идем на обдуманный риск, доверяя вам, неподготовленным и неопытным новобранцам.

Я вижу выражение лица Брокка – он явно недоволен собой – и считаю себя обязанной вступить в разговор:

– Да, в шпионстве мы действительно новички, но в музыке нам не занимать ни подготовленности, ни опыта. К тому же, и он, и я неплохие бойцы, это на тот случай, если на каком-то этапе выполнения задания вдруг понадобятся эти качества.

Мне досадно видеть, что моего брата осуждают за незначительную оплошность.

– А как насчет Дау? В тайных миссиях он подготовлен и опытен не больше нас. И при этом даже не музыкант.

Брида пристально смотрит на меня. Брокк опускает глаза на свои руки. Я понимаю, что оплошала гораздо сильнее брата, и бормочу:

– Простите, это было непозволительно.

– Зато, в своем роде, своевременно, – отвечает Брида, – подтверждение тому, как легко ты теряешь контроль над собой. Объясни мне, почему это было ошибкой.

– Мы на острове совсем недавно, мне очень повезло получить этот шанс.

Я прилагаю все силы, чтобы в голосе звучало раскаяние, хотя на самом деле больше злюсь. Нет, не на Бриду, с ее самообладанием все в порядке. Злюсь на себя, за то, что не умею держать рот на замке.

– И если кому-то и ставить под сомнение решения тех, кто старше и лучше меня, то уж точно не мне.

Брида хохочет, немало меня удивляя.

– Давай, Кира, ты же можешь лучше. Прошу тебя, не оскорбляй меня лживыми ответами.

– Первая часть, о том, что я новичок и высоко ценю предоставленную возможность, была правдой. Я понимаю, что для выполнения подобных миссий наши руководители и наставники, такие как вы, обладают опытом, позволяющим делать им верный выбор, решая, кого отправить и какие на кого возложить задачи. Мне не стоило ничего говорить о Дау и оспаривать планируемые детали выполнения задания.

– Так-то лучше. По крайней мере, ты взяла это себе за правило здесь, в тихом и безопасном Амбаре. Даже не думай заикаться о чем-то подобном после отъезда. То же самое, Донал, касается и тебя. К отбору мы подходим тщательно, взвешивая все риски и преимущества. У каждого из вас есть слабые места. Они есть даже у нас, даже у самых закаленных. Вы должны забыть, что вам, в конечном итоге, придется конкурировать с другими, чтобы занять место в нашей общине, и делать все для того, чтобы заслужить подобное доверие. Просто выполните

это задание, проявляя благоразумие, умения и здравый смысл, которых мы ожидаем от всех без исключения. Я уже говорила вам о взаимодействии? Его тоже имейте в виду. Что же касается Дау – то есть Нессана, – то ему перед отъездом разрешат объяснить вам возложенную на него роль. Группа поддержки поедет в Брефну отдельно от вас; чтобы не привлекать внимания. Когда явитесь ко двору, вам придется друг друга максимально избегать. Дядюшке Арту время от времени нужно будет обмениваться информацией с Огном, который на время устроится работать кузнецом, к тому же, вспомогательная группа будет готова подключиться, если он того потребует.

Она на несколько мгновений умолкает, словно размышляя о том, что сказать еще, и добавляет:

– Вижу, твои наставники не ошибались, и у тебя то, что на уме, то и на языке.

Так нечестно, совсем нечестно. А как же Дау? Если кто-то и прет всегда напролом, говоря то, что думает, так это он. Хотя я молчу, мои мысли, по всей видимости, отражаются на лице, потому что Брида добавляет:

– Твоя озабоченность, Кира, вполне обоснована. Ты, как известно, человек прямой. Как и Нессан. Но благодаря роли, возложенной на него для выполнения этого задания, ему будет легче соблюдать столь необходимую осторожность.

– Потому что он не будет вылезать с конюшни? – спрашивает Брокк.

– Нет, – отвечает Брида, – потому что на время выполнения миссии Нессан превратится в немого. И не произнесет ни единого слова.

5. Дау

День шестьдесят седьмой. Я на материке готовлюсь к выполнению задания. Шанс, о котором можно только мечтать, но почему мне отвели столь жалкую роль? Нет, я не жалуюсь. Каждое произнесенное нами слово, каждый наш ход зачтется нам в будущем и повысит шансы. К тому же, я понимаю стратегические преимущества немтыря. Если человек не говорит, значит ему не под силу передать другим услышанное. Более того, предполагается, что помощник кузнеца не умеет ни читать, ни писать. Поэтому окружающие при нем будут бездумно говорить что угодно, помимо прочего еще и считая тугодумом.

Трудно будет такое снести? С учетом последствий, которые все это может за собой повлечь, на деле мне придется терпеть все мыслимые унижения. Так и представляю, как ухмыляется Ливаун и как Брокк сочиняет о моем плачевном положении песнь. Думаю, они втихаря надо мной смеются. Но мне в голову тут же приходит мысль, что какие-то слова, которые я, по мнению сказавшего их, не в состоянии услышать и уж тем более передать, могут стать жизненно важным шагом к решению загадки, помогут нам найти и вернуть таинственную арфу, а потом возвратиться на Лебяжий остров, покрыв себя славой. Хотя по сути мы, скорее всего, вернемся без всякой помпы, как самые обычные ребята, проделавшие обычную для них работу. А пропажа и возвращение Арфы Королей станет легендой, известной одному лишь регенту да его ближайшим конфидентам. Ну и, естественно, нам пятерым, хотя мы сохраним все в тайне.

Я полон решимости не говорить ровным счетом ничего о несправедливом распределении ролей, в том числе и самому себе. Как и принимать в расчет тот факт, что Ливаун с братом давно стали опытными музыкантами и при дворе Брефны им придется делать только одно – оставаться собой, полностью обратившись в слух. Я не буду сравнивать это со своим собственным заданием: изображать из себя придурковатого мужлана. И не стану заострять внимание на неравенстве нашего положения, идеально играя свою роль. Если во всем этом есть какая-то подспудная справедливость, я буду вести себя так, что Арку наверняка впоследствии предоставит старейшинам острова обо мне положительный отчет. И подавлю в груди желание лицезреть, как Ливаун совершает ошибки. Это могло бы убавить шансов ей и повысить мне, но, в то же время, привести к провалу миссии, для которой нас нанял регент. Кроме того, я почти уверен, что мысли Ливаун движутся в том же направлении, что и мои. Мне уже доводилось наблюдать ее яростную волю всех превзойти. Почти равную моей, хотя и не до конца – она, в конце концов, женщина.

А Брокк? Брокк будет делать то, что делает всегда: петь, как ангел, касаться струн арфы и вызывать на глазах у публики слезы. И может случиться так, что ключи к разгадке тайны он отыщет быстрее меня или его сестры. В нем есть нечто привлекающее других. Из нас троих он единственный, кто способен разговорить кого угодно. Вполне возможно, что Брокк в ходе этой миссии отличится больше всех. Поэтому не принимать в расчет его точно не стоит.

Мы без конца повторяем свои легенды. Наставники пытаются застать нас врасплох, задавая вопросы за столом, когда мы ложимся спать или сосредотачиваемся на той или иной задаче. Я слышал, что и Ливаун, и Брокк допускали ошибки, откликаясь на свои настоящие имена. Благодаря вынужденной немоте мне легче, чем им – я могу повернуть голову или сделать какой-нибудь жест, когда кто-то произносит *Дау*, но это еще не значит, что в этом слове мне слышится мое имя. Разговаривать мне запретили на второй день по прибытии на материк, оговорив, что до нашего возвращения открывать рот можно только в самом крайнем случае. Однако добавили, что в последний вечер нашего пребывания здесь мне разрешат говорить за ужином. Следовательно, в пути мне придется направлять коня без помощи голоса. Тем лучше, ведь у меня есть кое-какой опыт верховой езды. А еще это означает, что до завершения миссии мне нельзя задавать Иллану-Огну вопросы об использовании инструментов и всего, что

нам понадобится для совместной работы. Ну да ничего, справлюсь, обязан справиться. Буду жестикулировать, гримасничать, мычать, задействую все, что лучше всего послужит заявленной цели. Эта маскировка задумана с одной-единственной целью – выставить меня дурачком.

Я просыпаюсь во мраке ночи и тут же понимаю – что-то не так, хотя в казарме слышится только мерное дыхание Брокка. Сажусь. Мгновение спустя кто-то запихивает мне в рот кляп и силой его там удерживает. Я задыхаюсь и давлюсь, пытаясь глотнуть воздуха. Вторая рука зарывается в мои волосы и толкает вперед. Я изворачиваюсь и брыкаюсь, что есть сил, но тут подоспевает второй, хватает меня за ноги и стаскивает с соломенной лежанки. В груди бешено барабанит сердце, на коже проступает холодный пот. Молча и быстро меня волокут к двери. Из моей груди вырывается даже не крик, а приглушенный стон. Шевелится во сне Брокк. Ливаун за перегородкой бормочет «Заткнись!» и тут же опять засыпает.

Я уже почти на пороге. В голове яростно проносятся мысли. Что это? Нападение или проверка? Что мне делать – драться или пустить все на самотек? Меня тащат по темному коридору, вталкивают в комнату, я слышу лязг перекрывшего дверь железного засова и в неверном свете единственной свечи вижу двух человек в накидках с капюшонами. Черты их лиц скрыты повязками. Стало быть, всего их четверо. Надежды одолеть их всех нет никакой, даже если очень постараться. Да будут прокляты Ливаун и Брокк, а вместе с ними и этот нескончаемый день, утомивший их настолько, что они даже не смогли проснуться! Втроем у нас были бы все шансы справиться.

С моего рта убирают руку и вытаскивают кляп, теперь я могу дышать. А в следующий миг надевают что-то на голову, то ли куль, то ли мешок, чтобы нельзя было ничего увидеть. Меня отпускают, но не успеваю я ничего предпринять, как кто-то хватает меня за руки и связывает их за спиной. Понятно, это учебная проверка. Налет на Амбар не закончился бы в этой маленькой комнатенке и нападающие не позволили бы Брокку с Ливаун мирно спать в постелях, не причинив никакого вреда, да еще и в пределах слышимости. Не говоря уже об Арку и остальных.

– Говори! – рявкает чей-то голос. – Кто ты и что здесь делаешь?

Я стараюсь дышать ровнее, выпрямляю спину и под прикрытием мрака высоко держу голову.

– Ты что, не слышал, что я тебе сказал? Говори!

Мне отвешивают затрещину, довольно увесистую для того, чтобы даже через ткань обжечь щеку. Что-то слишком сурово, даже по меркам Лебяжьего острова. Я в ответ что-то мычу, как и положено Нессану. И что дальше? Чего они от меня добиваются? Чтобы я заплакал? Чтобы закричал, призывая Ливаун и Брокка на помощь? И если я громко, но нечленораздельно закричу, а они примчатся меня спасать, будет ли это означать, что я проверку прошел, а они нет?

В другую щеку влетает еще одна оплеуха, ничуть не хуже первой. У меня болят шея и запястья. Путы затянуты мучительно туго. И как я, интересно, буду заниматься кузнечным делом с ободранными руками? Я опять мычу, на этот раз громче. Со связанными запястьями у меня нет возможности объяснить жестами свою немоту. «Это все уловка, Дау, – убеждаю я себя. – Помнишь, как братья запирали тебя в старом сундуке? Как помогали тебе взобраться на верхушку огромного вяза, а потом бросали? Или как в тот раз завели тебя в болото, а сами ушли? Тогда тебя спасала сообразительность. Так почему не воспользоваться ею и сейчас?»

Но в этом уже нет необходимости – снаружи кто-то принимается барабанить в дверь и кричать:

– Что вы делаете?

Это Ливаун.

– Дядюшка Арт! Быстрее сюда! Донал! Донал! Где ты?

Марриганово проклятье! В ее словах слышится неподдельный ужас. Нет, это точно не игра. Хотя обязана таковой быть. Ведь она использует наши вымышленные имена. Я склоняю голову и без слов всхлипываю. Это как минимум отвлечет внимание и позволит Ливаун воплотить в жизнь свой план, что бы она ни задумала.

Кто-то отодвигает засов. Тот, кто бил меня, останавливается, по крайней мере на какое-то время. Я собираюсь с духом, готовлюсь ринуться вперед, хотя у меня связаны руки и все такое прочее. Если вскочить на ноги, можно ударить головой нападающему в лицо и сломать нос. Можно сделать подсечку, чтобы он упал. Можно, но не нужно. Опять доносится голос Ливаун – она, вероятно, стоит в двери – и я вспоминаю, что меня зовут Нессан, что меня страшно застращали, лишив всякой возможности вскочить на ноги и драться, даже ради оказавшейся в опасности женщины. Вместо этого я делаю то, что на моем месте в такой момент сделал бы перепуганный немой – пускаю по ногам струю мочи, которая тут же льется на пол.

– Что вы делаете? – восклицает Ливаун дрожащим, писклявым голосом, который едва можно узнать. – Зачем вы надели это ему на голову?

– Не твое дело, девчонка, – говорит один из тех, кто на меня напал, – иди ложись спать и забудь о том, что нас видела. Если, конечно же, знаешь, что для тебя хорошо, а что плохо.

– Никуда я не пойду, и вам меня не заставить!

Ее голос взвивается до предела, словно она напугана до умопомешательства.

– Почему этот человек связан? Почему вы вообще находитесь здесь глубокой ночью во тьме?

Она, должно быть, что-то задумала. Но, может и отступить, позволив им продолжать в том же духе, не исключено даже избить меня до состояния студня, а потом заявить, что это все такая игра. Хотя это будет глупо, если они хотят, чтобы через пару дней я отправился верхом в Брефну, а по прибытии туда устроил убедительное шоу.

Слышится резкое движение, затем раздается шлепок. Ливаун всхлипывает.

– Что вы делаете? – говорит она, теперь как обиженный ребенок. – Так нельзя! Не бейте меня! Я хочу видеть дядюшку Арта.

– Кира? Ты в порядке?

Даже с мешком на голове я вижу, что в комнате стало больше света. Это пришел Брокк, по всей видимости задержавшись в пути, чтобы захватить фонарь.

– Что здесь происходит? – спрашивает он.

– Прекратить!

Этот голос я знаю, он принадлежит Бриде. С моей головы снимают мешок, возвращая способность видеть. Ливаун стоит в дверном проеме, на ней ночная рубашка, на плечи наброшена шаль. На щеке, в том месте, где ее ударили, виднеется красная отметина. В ее руке нож, складки ткани не в состоянии его до конца скрыть – он предательски поблескивает в лучах света. Это означает, что она приготовилась к обоим сценариям – и к проверке, и к реальному нападению. Рядом с ней держит в руке фонарь Брокк. Он хоть и ведет себя спокойно, но лицо у него бледное, как полотно. Еще совсем недавно я задумывался, а не причастны ли они оба ко всей этой истории, но теперь совершенно ясно, что нам троим попросту устроили проверку.

Входят Арку и Иллан. Остальные, если не считать Бриды, обитатели Лебяжьего острова, без нашего ведома оказавшиеся на материке. Они садятся за стол. Я дрожу, по-видимому не в состоянии остановиться. Приказываю себе размереннее дышать. Выражение на лице Ливаун напоминает грозовой фронт, готовый вот-вот разразиться бурей. Когда она отступает на шаг назад, я вижу, что у нее морщится нос. Ну что же, справедливо, ведь от меня несет мочой. У меня есть много что сказать – и ей, а Арку, и Бриде, как и всем остальным, – но немой Нессан не произносит ни звука.

– Я не буду приносить извинений, – говорит Брида, по очереди глядя на каждого из нашей троицы; Ливаун и Брокк продолжают стоять, – вы быстро поняли, что это не налет, а проверка;

именно этого мы от вас и ожидали, невзирая даже на вашу ограниченную подготовку. Кира, судя по виду, ты немного выбита из колеи. Хочешь что-то сказать?

Ливаун стискивает зубы, сжимает кулаки и качает головой.

– Тогда давайте послушаем ваши соображения насчет того, как вы сейчас себя повели, – говорит Арку, – что сделали правильно? Что могли сделать лучше?

Ливаун с шумом втягивает в себя воздух и медленно выдыхает.

– Я не видела, что случилось с Нессаном. И проснулась до конца, только когда его уже не было в казарме. Слышала какую-то шумную возню, которая подсказала мне, что это не тот случай, когда кто-то вышел в туалет или решил прогуляться, не в состоянии уснуть. На этом этапе я еще не понимала, проверка это или что-то еще. Судя по всему, Нессан оказался в беде, его, вероятно, били, поэтому я двинулась на звук шагов и пришла сюда. Перед тем как войти, подумала, что нам, должно быть, устроили экзамен, ведь кто станет поднимать такую шумиху прямо в Амбаре, когда рядом спят другие? Но когда открыла дверь, несколько растеряла уверенность. – Ее лицо опять приняло яростное выражение, хотя она старалась говорить спокойно. – Все выглядело на удивление реально и поэтому вызывало тревогу. Я отреагировала в духе Киры. Закричала и позвала на помощь. Называя других нужными именами.

– Но при этом?.. – безжалостно говорит Брида без малейших признаков симпатии.

– Вы хотели, чтобы я еще больше вела себя как девушка? – сталью на сталь отвечает Ливаун. – Можно было бы разбудить Донала, сказать ему, что я напугана, и не идти самой, а послать его. Можно было бы лечь обратно в постель и накрыться с головой одеялом. Но из того, что Кира девушка и занимается музыкой, еще не следует, что ей недостает присутствия духа. Я могла бы убедительнее играть свою роль, если бы мне не приходилось изображать из себя не женщину, а увядший цветок.

Я вполне мог бы на это ухмыльнуться – если бы не доставляли неудобств боль в запястьях и мокрые штаны.

– Донал, – говорит Арчу, – что она сделала неправильно?

Брокк прочищает горло. У него такой вид, будто ему страшно хочется оказаться где угодно, но только не здесь.

– Говори же, – настаивает Брида, – отложи личные переживания в сторону и оцени ее поведение, будто ты ей не брат, а наставник.

– Она пришла с оружием. Спрятала нож хуже, чем надо. И хотя из роли не вышла, все же показала, что потеряла самообладание.

– Кире разрешается носить этот нож, – резко бросает Ливаун, – и захватить его было вполне разумно. Она не воин, бредет посреди ночи по незнакомому дому и знает, что происходит нечто подозрительное. Поэтому прийти без оружия с ее стороны было бы глупостью. А насчет того, чтобы его хорошо спрятать, то ей об этом даже думать не полагается.

– Успокойся, – говорит Арку, – самообладание в нашем деле играет решающую роль. А теперь все взвесь и скажи нам, где Донал все сделал правильно, а где ошибся.

– И для него, и для меня было бы лучше проснуться быстрее – Нессана, надо полагать, силком вытащили из постели, причем без потасовки, насколько я понимаю, там не обошлось. Донал не вышел из роли, и когда я его позвала, пришел довольно быстро. – Ее лицо искажается гримасой. – При этом сохранил спокойствие. Одним словом, продемонстрировал себя лучше, чем я.

– А Нессан?

Ливаун какое-то время молчит и смотрит через всю комнату на меня. Я не понимаю, о чем она думает, но вот ее рука поднимается и касается красной отметины на лице.

– Я не видела всего, что с ним делали, но хочу сказать, что он безупречно сыграл отведенную ему роль перепуганного конюшенного служки.

Она умолкает и после короткой паузы добавляет:

– Ему больно. У него связаны запястья. И потом его лицо.

– Не твоя забота, – говорит Брида, – к тому же он травмирован не настолько, чтобы немного целебной мази не поправило ему здоровье перед походом. Что бы мы, Кира, ни делали, все тщательно рассчитывается. Все. Мы никогда не пользовались бы своей нынешней репутацией, если бы халатно относились к подобным проверкам.

Будь у меня возможность говорить, я сказал бы Ливаун, что не нуждаюсь в защитниках. И не хочу, чтобы она из-за меня злилась. С другой стороны, будь я Дау, а не слабаком Нессаном, то наверняка позвал бы их с братом на помощь, когда на меня набросились. И хорошо, что не позвал, в противном случае нас, вероятнее всего, отправили бы по домам.

– Кира?

Арку окидывает ее пристальным взглядом.

Она не опускает глаза.

– Ну хорошо, я действительно потеряла самообладание, тем самым продемонстрировав отсутствие должной дисциплины. Не стану утверждать, что эта проверка в моем представлении была разумной и справедливой, потому как это было бы неправдой. Вы запрещаете человеку говорить, потом вытаскиваете его ночью из постели, связываете и бьете? Какой в этом был прок? Нынешнее задание нам троим по плечу. Вы же, должно быть, верите нам, иначе бы выбрали других.

Брида машет одному из собравшихся мужчин.

– Будь добр, принеси нам немного медовухи.

Затем поворачивается к Ливаун.

– Сядь. И ты тоже, – добавляет она, обращаясь к Брокку.

А когда они повинуются, говорит:

– Утром, по зрелому размышлению, произошедшее в ваших глазах обретет больше смысла.

Потом смотрит мне прямо в глаза и говорит:

– Отличная работа. Тебе это далось нелегко. Но это только намек на то, через что тебе придется пройти, пока не наступит День летнего солнцестояния. Молчать придется долго. До настоящего времени ты прекрасно владел собой. Теперь ступай переоденься. И проследи за тем, чтобы к моменту отъезда твой нынешний наряд выстирали и высушили. Когда наденешь новое платье, приходи сюда, я позабочусь о твоих запястьях. Раны наверняка не такие серьезные, как думает Кира – было бы глупо причинять тебе серьезный вред непосредственно перед отправкой на задание. Тем не менее, немного мази тебе точно не повредит.

Я беру свечу и ухожу, радуясь возможности снять с себя грязную одежду. В казарме стаскиваю мокрые штаны, швыряю их в угол, а сам надеваю другие, не зная, злиться на Бриду с Арку за то, что они удумали бросить мне такой вызов, или же радоваться, что я, в конце концов, все сделал как надо. Лучше Ливаун. Может, я просто устал. Мы все этой ночью не выспались.

– Нессан?

Я чуть не рычу «Что?», но вижу выражение лица Ливаун и тут же проглатываю слова. Мне хочется только одного – натянуть на голову одеяло и до утра обо всем забыть. У меня болит шея и все остальное. Но она стоит возле перегородки с тряпкой и небольшим кувшином в руках. В свете свечи ее волосы приобретают цвет дубовых листьев в лучах осеннего солнца – золотисто-рыжий и светящийся.

– Целебная мазь, – говорит она, – повязка. Пока мы не вернулись, я тебе ее наложу.

Я качаю головой, опускаю на запястья рукава рубашки и, помимо своей воли, морщусь.

– Что для тебя лучше, – говорит Ливаун, – довериться мне или Бриде, которая наверняка превратит это в очередную проверку? Сядь. И не смотри на меня так. В доме, где я выросла, занимались врачеванием. Если хочешь, чтобы твои руки вернулись в рабочее состояние до

нашего отъезда, то эта мазь – твоя главная надежда. Я именно поэтому захватила с собой некоторый ее запас, хотя нам разрешили взять только самый минимум.

А поскольку я по-прежнему не двигаюсь – главным образом от удивления, что Ливаун заикнулась мне о своем прошлом, – она повторяет:

– Прошу тебя, сядь. Я быстро.

Она не врет. Вполне очевидно, что раньше она делала это не одну сотню раз. Руки у нее сильные – это мне уже известно, – но, когда нужно, нежные. Я не могу спросить, что представляет собой используемое ею снадобье, зелено-коричневое на цвет и обладающее острым древесным запахом, а сама она меня просветить не предлагает. Намазав мои руки мазью, она зубами отрывает от тряпки полоски, перевязывает мне запястья и закрепляет повязку аккуратными, ровным узелками.

– Вот так. Теперь синяки на лице. Не переживай, твою красоту я не подпорчу – высохнув, мазь становится невидимой.

Не давая мне возможности сказать жестом «нет уж, спасибо», она легкими прикосновениями размазывает немного снадобья на моих щеках. А когда заканчивает, я показываю на ее собственное лицо. Отметина от пощечины ярким пятном выделяется на ее коже.

Ливаун пожимает плечами.

– Ты имеешь в виду это? Ерунда. На нее такую хорошую мазь даже тратить не стоит. Кто знает, когда у меня будет возможность пополнить ее запас? Большинство ее ингредиентов произрастают в лесной чаще, которой в здешних краях явно маловато. Ну, если ты теперь готов, нам лучше вернуться.

Она идет к выходу, я шагаю за ней, размышляя о том, как они с братом росли. Не знаю, кто из них старше, но догадываюсь, что, по-видимому, Брокк. Что совершенно не мешает мне полагать, что верховодила всем Ливаун, отдавая ему приказы и, будучи девушкой, принимая на себя роль лидера. Это опять же наводит меня на мысль об их родителях. То, что они невысокого звания, мне совершенно ясно. Один из них, скорее всего мать, занимается целительством. Но сюда, на остров, приехали брат с сестрой, одинаково хорошие и как музыканты, и как воины. Почему бы Ливаун было не заняться ремеслом матери, к которому у нее, по всей видимости, тоже талант? Вероятно, их отец служит стражником у какого-нибудь благородного рода, чем и объясняются их боевые навыки. Я смотрю на ее лицо и думаю: какой мужчина в здравом уме позволит дочери стать воином?

6. Брокк

Мне не нравится, когда сестре причиняют боль. Не нравится молча наблюдать и ни во что не вмешиваться только потому, что мне приказали играть роль человека, у которого нет сестры, а есть только девушка, с которой мы играем дуэтом. Я, по всей видимости, проявил себя совсем не плохо, хотя эта полуночная проверка сильно меня напрягла. Когда все закончилось, меня похвалили за сдержанность. Но правды ради, произошедшее меня взбудоражило. Я до утра не сомкнул глаз, без конца прокручивая в голове события и спрашивая себя, как бы все обернулось, будь это не спектакль, а настоящий налет? И если бы я понял это слишком поздно? Ливаун могли бы убить. Других тоже. А я бы безучастно наблюдал за этим кровавым побоищем.

Мы тренируем острую наблюдательность, проницательность и молчаливость. Учимся двигаться, как тени, и слушать, как дикие звери. Но наши инструкторы не забыли, что нам следует развивать и более привычные навыки. Каждый день нам отводится время для репетиций, чтобы мы добавляли в репертуар новые песни и танцы. Вечером, после ужина, наставники попросили нас дать концерт. Аудитория небольшая, но благодарная: двое членов вспомогательной группы, наши инструкторы и несколько ребят с Лебяжьего острова, которые, как мне кажется, готовятся здесь к выполнению другой миссии – кому, как не нам, знать, что расспрашивать о подобных вещах не положено. Плюс охрана; воинов с острова по очереди присылают сюда, чтобы обслуживать лагерь, чтобы все, кто здесь работает, чувствовали себя в безопасности. Хотелось бы знать, кто из них ударил Ливаун по лицу, и видит ли он, что у нее до сих пор не сошел синяк. Хотелось бы знать, понимает ли он, что после такой пощечины петь и играть на свирели неудобно, если вообще возможно. Я ничего не сказал. Ливаун, защитившая себя сама, посчитала, что оно того не стоило.

За ужином Дау разрешают присоединиться к разговору. На острове ему всегда было что сказать. У него по каждому поводу есть собственное мнение. Но сегодня, когда ему разрешили говорить, он едва открывает рот. Поел, посмотрел наше выступление, а на каждый заданный ему вопрос ответил парой слов. Раньше я считал, что из всех нас он возьмется за выполнение задания, всецело уверенный в себе, потому что его вера в собственные таланты казалась непоколебимой. Но выражение его лица красноречиво говорит, что у него внутри полыхает страх, так же, как и у меня.

Я скучаю по родителям. Скучаю по дому. Скучаю по свежему, чистому запаху маминой буфетной. Как же мне хотелось бы сейчас поговорить с отцом, прогуляться с ним по лесу, помочь выкопать колодец, сложить сухой кладкой стену или собрать разбежавшееся стадо. Хотелось бы отправиться в Уинтерфоллз и сыграть что-нибудь друзьям. У меня нет никакого желания петь свои баллады, явившись к далекому двору, битком набитому незнакомыми людьми. Я не хочу уезжать так далеко. Я скучаю по брату. Мне очень хотелось бы, чтобы он сейчас оказался рядом, сказал мне, что я дурак, и что, в конечном счете, мы все, в целости и сохранности, вернемся домой.

7. Ливаун

Чем быстрее мы доберемся до Брефны, тем больше у нас будет шансов вовремя отыскать арфу. Но если ехать слишком быстро, это может привлечь внимание. По вечерам, чаще всего, мы будем останавливаться на постоялых дворах и давать концерты в обмен на еду, кров и надежную конюшню для лошадей. Если кому-то из зрителей захочется дать нам немного мелочи, что же, тем лучше. В Брефне лорд Кора позаботится о том, чтобы нас наняли до того, как к королевскому двору явится множество гостей.

Проделать весь путь на одних и тех же лошадях невозможно. Когда я спрашиваю об этом Арку, он отвечает, что у нас в разных местах есть проверенные ребята, которые обеспечат нас свежими лошадьми, не задавая вопросов. Он не объясняет, кто эти люди, но я догадываюсь, что они так или иначе связаны с Лебяжьим островом. Это наводит меня на мысль о том, как далеко простирается влияние острова, и как ему удается хранить свои операции в тайне. С учетом того, что у нас будут лошади, когда мы доберемся до Брефны, выполнить задание нужно будет за один лунный цикл. Это немного.

Долгих проводов нам не устраивают. Брида дает нам с Брокком последние наставления, Арку проверяет наши сумки, мы седлаем коней и грузим пожитки. Пора отправляться в путь. Еще рано; Иллан с Дау уехали, когда едва забрезжил рассвет. Когда мы покидаем лагерь, поля окутывает холодный туман. Брокк угрюмо молчит. Арку настоял на том, чтобы арфу привязали к лошади, везущей пожитки, и брату это не нравится – инструмент для него словно ребенок, поэтому он хотел везти ее сам, за спиной. Но миссией руководит Арку, и его слово для нас закон.

– Опусти юбку, Кира, – ворчит Арку, когда мы ближе к полудню подъезжаем к поселку, – так ехать неприлично.

На мой взгляд, у меня вполне нормальный вид, несмотря на заткнутый за пояс подол, потому что под платьем у меня брюки. Но я все же опускаю его, насколько это позволяет езда верхом.

– Простите, дядюшка.

Я старательно изображаю раскаяние, и Брокк, который едет следом за мной, пренебрежительно фыркает.

– Не вижу ничего смешного, Донал!

– Я мог бы сочинить об этом песню, – отвечает тот. – О танцующей девушке. Которая, по настоянию публики, приподнимает юбку, демонстрирует сначала лодыжки, затем икры, а потом все выше и выше. Ее будут принимать на ура в бражных залах, вам не кажется?

После утренней скачки настроение у него явно улучшилось.

– Мужчинам такое точно понравится, – говорю я.

Представляю себе эту сцену во всех подробностях. Шумная публика будет побуждать меня иллюстрировать песнь соответствующими движениями.

– А почему девушка в твоей песне не переворачивает столы у всех на глазах? Может, у нее под юбкой спрятано смертельное оружие, которое она использует, чтобы отнимать у них последние деньги. Или, как вариант, когда она поднимает до определенного уровня юбку, выясняется, что она вовсе не женщина, а… что-то другое.

– Мужчина? – спрашивает Арку.

– Нет, лучше какая-нибудь сверхъестественная нелюдь. К примеру, со щупальцами, или мохнатыми ногами.

– Обольстительная девушка может замаскироваться под старую каргу, – что-то в голосе Брокка подсказывает мне, что он уже сочиняет стихи, – отвратительная внешность которой отбивает охоту еще раз взглянуть на ее ножки. Хотя бы на какое-то время.

– Мне больше нравятся щупальца, – говорю я, – а то старуха, притворившаяся девушкой, и так присутствует во многих сказках. Хотя решать, конечно, тебе. Ты споешь песню, а я подыграю тебе на свирели. Так никто не подумает, что я должна сопровождать слова действием.

Пока мы едем, Брокк целыми днями бормочет про себя стихи и мурлычет обрывки мелодий, сочиняя что-то новое. Он заканчивает песню о юбке и заставляет меня выучить мелодию и слова.

– Так, на всякий случай, – говорит он.

– На какой еще случай? Я уже говорила тебе, что не собираюсь ничего такого исполнять.

– А если у меня заболит горло? Тогда петь придется тебе.

– Тогда мы сыграем что-нибудь другое.

– Вот увидишь, эта песенка станет популярной, дай срок. Публика будет грохотать кулаками по столам. Слава побежит впереди нас, и к нам то и дело будут обращаться с просьбой ее исполнить.

– Это-то меня и беспокоит, – говорю я, – орава мужиков, которые ведут себя, как петухи в сарае.

Когда мы выступали перед публикой дома, никто не выкрикивал похотливых замечаний и не бросал на меня неприличных взглядов. А если кто такое и делал, то только чужой и, в любом случае, нечасто. Всем, кто меня знает, и лично, и по моей репутации, известно, что со мной лучше не связываться. Мало того, что я и сама вполне могу дать сдачи, так в реальной жизни у меня есть еще и собственный дядюшка Арт в образе отца: мастера Грима – настоящего колосса, сильного даже в том, что скрыто от глаз. Но здесь его нет. Его нет рядом, чтобы преподать урок каждому, кто оскорбит меня. Мы в пути, я выступаю в роли Киры, которая даже верхом ездит в платье и распускает по плечам волосы. И мне от этого неуютно.

– А обо мне вы забыли? – вмешивается Арку. – Я тоже могу петь. Что же до всяких задир, то мне в свое время приходилось таких усмирять. Главное здесь – не забыть сделать вдох перед тем, как переходить к действию. Если начнется потасовка, то в ее гуще лучше оказаться мне, а не вам.

Я уже собираюсь пообещать держаться подальше от неприятностей, но вовремя замолкаю. Обещания имеют обыкновение возвращаться к тебе и кусать.

8. Дау

Двенадцатый день пути от Лебяжьего острова ко двору Брефны. Мы с Илланом едем по извилистому проселку, день угасает, переходя в долгие летние сумерки. Лошади устали. В конце перехода нас ожидает дом друзей. Этих коней мы оставим у них, а они дадут нам свежих. Интересно, а как этим друзьям, до которых от Лебяжьего острова столько дней пути, доставляют сообщения? Наверное, в материковом лагере острова есть почтовые голуби. Но если так, то их надежно прячут.

Иллан пока не разрешил мне разговаривать. Я должен всю дорогу молчать, исключение составляют лишь перешептывания, когда мы одни. Я всеми силами стараюсь с этим мириться; дисциплина – неотъемлемая часть похода любого воина, и мне нужно демонстрировать способность строго ее придерживаться.

Мы подъезжаем, и к нам с лаем бросается крупная, темного окраса собака. Мы пытаемся обуздать перепуганных лошадей. Я молча спешиваюсь и кладу ладонь на шею коня, чтобы успокоить его. Собака останавливается на расстоянии прыжка от меня и по-прежнему заливается лаем. Она выглядит так, словно готова меня сожрать, но это всего лишь сторожевой пес, делающий то, что положено. Я не смотрю ему в глаза, отводя взгляд в сторону. И принимаю самую небрежную позу, на какую только способен.

Она – это грозное создание сука – тут же успокаивается. Кони перестают бить копытами, прясть ушами и закатывать глаза. Дальше ехать нельзя, потому что собака, немного отступив, стоит теперь посреди дороги, широко расставив все четыре лапы. А когда кто-то из нас пытается хоть немного пошевелиться, из ее пасти вырывается утробный рык.

– Ее лай должны были услышать, – шепчет Иллан, – а раз так, то вот-вот подойдут.

На дороге и в самом деле появляются двое мужчин, один постарше, другой помоложе, которые идут к нам от небольшого крестьянского хутора. Один из них свистит, собака, услышав команду, поворачивается и бежит к нему. Мы следуем за ними к дому.

Уставших лошадей уводят, а нам показывают спальни, где мы оставляем снаряжение. Потом мы идем в комнату попросторнее, где в очаге полыхает огонь. Лето уже началось, но ночами холодно. Я замечаю, что Иллан не доверяет хозяевам. Они кажутся странным семейством. Отец с сыном – высокие, худые и держатся настороженно. Судя по виду, в жилах их предков текла мавританская кровь. Женщина – веснушчатая и костлявая. Парень – ее сын, хотя внешне не имеет с ней ничего общего. Мне сразу вспоминаются Ливаун и Брокк – брат и сестра, совсем друг на друга не похожие. Почему у меня в голове постоянно крутятся мысли о них? У них свое задание, у меня свое. Нет, не буду о них думать.

Мужчину Иллан называет Очу, это имя означает шотландскую борзую. Он примерно того же возраста, что и воины Лебяжьего острова – те, кто постарше. Раньше, когда человека принимали в островную общину, он, как правило, брал имя какого-нибудь животного и нередко набивал на лицо татуировку с его изображением: собаки, ворона, тюленя. Эту историю Брида рассказывала нам на первом занятии. Почему таких имен нет у воинов помоложе, и почему лишь у немногих есть такие татуировки, она объяснять не стала. Если меня примут в общину, я спрошу об этом Арку. Но, думаю, что я догадался. Для воина такой рисунок является знаком принадлежности к группе. Клеймо чести, связь с братьями. Кто от такого откажется? Значит, вполне возможно, что раньше шпионов на острове не готовили.

– Можешь говорить, Нессан, здесь мы в безопасности.

Иллан сказал Очу и его семье наши вымышленные имена. Они уже знали, куда мы направляемся и что вернем им лошадей после Дня летнего солнцестояния. Но цель миссии остается в тайне. Так безопаснее для всех.

– Спасибо за гостеприимство, – бормочу я и опять умолкаю.

В том, что я говорю, есть что-то неправильное. Я чувствую опасность, даже если этим людям можно доверять. Часть меня предпочла бы свернуться на полу у очага и вторить размеренному дыханию собаки, которая, как и положено домашнему животному, сейчас мирно дремлет. Мне хотелось бы прильнуть к ее теплому боку. Это та моя часть, что осталась ребенком.

– От вас совсем недалеко до двора королевства Брефны, – осторожно говорит Иллан, стараясь, чтобы его голос звучал небрежно, – я слышал, что в День летнего солнцестояния там собираются короновать нового короля. Туда много народу едет? Или сейчас еще слишком рано?

– Некоторые проезжие действительно говорили, что направляются туда. Для кузнеца, подковывающего лошадей, там наверняка полно работы.

– А что насчет дороги? Как, по-вашему, нас ничто не может задержать?

– Это зависит от того, насколько вы торопитесь, – говорит Очу, – у меня для вас приготовлена пара крепких лошадей. Еще две, тоже наши, ждут вас на следующем привале. Мне не хочется, чтобы их загнали.

– Что бы вам ни предстояло, времени у вас мало, – вступает в разговор жена Очу, которую нам представили как Маэн.

Интересно, они тоже пользуются вымышленными именами, как мы?

– Ничего, успеем, – говорит Иллан с уверенностью, которой я не разделяю, – что же до лошадей, то ты, Очу, знаешь – я о них позабочусь.

– Дорога туда хорошая, – говорит сын. Это первые его слова, не считая вежливого приветствия. – Весь следующий день вы будете ехать по равнинным пастбищам. Там вас могут задержать погонщики скота. Ближе к Брефне местность становится холмистой, большая ее часть покрыта густыми лесами. Там вам придется соблюдать осторожность. Через лес добираться быстрее, но местами есть очень крутые спуски и подъемы. Многие предпочитают ехать в обход по долине, но там есть броды, которые нужно знать.

Он умолкает и бросает взгляд на отца.

– С лесной дорогой связана одна история, – говорит Очу, – старая легенда. Если торопитесь, я не отговариваю вас ехать по ней. Но будьте осторожны.

О чем это он? Нас там подстерегают никчемные бездельники, чтобы напасть и отнять то немногое, что представляет хоть какую-то ценность? Мы с Илланом вполне в состоянии с ними справиться. Или, может, мы должны не выходить из роли безобидных кузнецов, когда нам перережут глотки, чтобы потом закопать трупы где-нибудь в овраге?

Иллан хмыкает и кивает головой.

Он наверняка все понял лучше меня.

– Обратите внимание на трио бродячих музыкантов. Двое мужчин и женщина. Если они вдруг будут проезжать здесь, окажите им такую же помощь, которую так любезно оказали нам.

Очу широко улыбается. Интересно, они с Илланом давние друзья? Возможно, они много лет назад вместе тренировались на Лебяжьем острове. Но эту мысль я сразу отбрасываю. Зачем воину уезжать с острова и селиться в глуши? Разве каждому из них не лучше оставаться там, где можно проявлять боевые навыки? Даже в возрасте Очу мужчина вполне способен не сдавать позиций.

– Если они здесь появятся, мы, конечно, им поможем, – отвечает Очу. – Помнится, был один парень, лучше всех в Далриаде игравший на кельтском бубне, но потом посвятивший себя совсем другим занятиям. Хотел бы я знать, как у него дела.

– Я тоже, – улыбается Иллан.

Когда мы выезжаем на лесную дорогу, которая, по словам Иллана, меньше чем за сутки должна привести нас к пункту назначения, погода портится. Мало того, что по лесу ехать быстрее, так еще и деревья будут хоть немного защищать нас от дождя.

На последнем перегоне нас везут две кобылы, на которых мы и явимся ко двору Брефны. Иллана – рослая чалая, меня – выносливая серая. В последнюю ночь нам придется спать под открытым небом, если, конечно, не отыщется подходящего места для ночлега. У нас есть два мешка овса, который нам дали друзья в последнем доме, где мы останавливались, но надолго его лошадям не хватит. Приехать можно было бы до наступления темноты, но Иллан предпочитает утро. Считает, что в это время вокруг королевского дворца будет толпиться больше народу, и мы не привлечем к себе внимания.

– Ищи место, с которого открывается хороший обзор в западном направлении, – говорит он, когда мы едем по извилистой дороге вдоль холма, – за замком Коры есть еще один лесистый участок, и там довольно большой поселок. Через пару миль мы увидим его на горизонте. Королевский дворец расположен на возвышенности. Не совсем гора, но все же выделяется каменной крепостью, обнесенной укреплениями.

Я в ответ только мычу. Интересно, у меня получится смолчать, если в дороге на нас нападут злоумышленники. Очу не стал уточнять, что именно говорят об этом участке дороги. А если я замечу, что в Иллана кто-то целится из лука, собираясь выпустить стрелу? И как тогда мне его предупредить?

На деле, когда мы едем через лес, на нас не нападает пестрая воровская шайка, размахивающая дубинками и требующая отдать все, что у нас есть. Мы сталкиваемся кое с чем гораздо более странным.

Впереди едет Иллан. Его лошадь идет ровно, мой спутник отличный наездник. Дорога в этом месте узкая, с одной стороны ограничена крутым склоном, с другой – обрывом. Деревья внизу перекрывают обзор долины. По-прежнему идет дождь, но нас защищают нависающие над головой ветви. Вдруг моя лошадь начинает нервничать, это чувствуется по ее движениям. Чалая впереди замедляет шаг. Я прислушиваюсь, как меня и учили. Шелест дождя, стук копыт по земле, поскрипывание сбруи. Ветер в ветвях.

Вдруг что-то неожиданно перелетает через дорогу, меньше чем на расстоянии вытянутой руки от моего лица. Я вздрагиваю и вскидываю ладонь, чтобы прикрыть глаза. Кобыла шарахается, я падаю, тяжело ударяюсь оземь и откатываюсь к самому краю обрыва. Стоит запаниковавшей лошади один-единственный раз ударить меня копытом, и со мной будет покончено. А если и выживу, то получу такие увечья, что меня уже ничто не спасет. Я тянусь к болтающимся поводьям и чувствую, как спину простреливает боль. В какой-то момент хватаю поводья, но лошадь тут же вырывается. Морригановы штаны! А если она упадет?

– Нессан.

В голосе Иллана гораздо больше спокойствия, чем у меня.

– Не вставай, ты на самом краю. Двигаться можешь? Если да, просто кивни.

Я киваю. Такое чувство, словно в череп вонзили нож. Что это было? Гигантский ворон? Или вовсе не птица? И этот странный запах тухлой рыбы… он был на самом деле или мне почудилось?

– Медленно ползи ко мне на животе, – говорит Иллан, – встанешь, когда доберешься до дороги и окажешься в безопасности.

В лесу слышится крик, совсем не похожий на птичий. Я делаю как велено, ползу к безопасному месту и с трудом поднимаюсь на ноги. В голове пульсирует боль, спина горит, чувствую себя так, словно вот-вот потеряю сознание или меня вырвет. Стараюсь держаться прямо. Лошади нет, вероятно, убежала той же дорогой, которой мы сюда приехали. На языке вертится несколько отборных ругательств, но я молчу. Во время происшествия, глухой Нессан даже не

застонал. Поэтому я хоть и потерял лошадь, а сам чуть было не погиб, у меня, можно сказать, все получилось хорошо.

– Ладно, – говорит Иллан, медленно и тихо, словно успокаивая ребенка, – я немного проеду вперед, посмотрю, не расширяется ли вон у тех скал дорога, а ты подождешь, пока я не вернусь обратно и не найду твою лошадь. Надеюсь, она ушла недалеко. Без моей помощи идти сможешь?

Проходит совсем немного времени, и вот я уже в полном одиночестве сижу на плоском камне и пью из бурдюка Иллана. Бросить кобылу, чтобы она сама отыскала дорогу домой, нельзя, ведь на ней не только мои пожитки, но и жизненно важные для нас инструменты. И если мы без них явимся ко двору в поисках работы, это может вызвать сомнения. Полагаю, нас примут, ведь регенту известно не только то, что на поиски арфы направляются две группы, но и под каким обличьем. Но мы не хотим, чтобы нам задавали неудобные вопросы. Если бы Нессану оставили дар речи, я не уверен, что смог бы убедительно сыграть роль мастерового. Мое произношение могло бы выдать происхождение? Я беру небольшой камешек и с силой швыряю его в кусты. Какое-то лесное создание испуганно чирикает. Теперь у меня еще и запястье болит.

Иллан все не возвращается – достаточно долго для того, чтобы я начал рисовать в воображении всевозможные бедствия. Как далеко он может отъехать в поисках пропавшей лошади, прежде чем сдаться? Что если она свалилась где-нибудь с откоса и сломала ногу, а он проехал мимо и ничего не заметил? Что если напавшая на меня тварь то же самое проделала и с Илланом? Я понятия не имею, кто это был. Но я видел ее глаза, крылья и странные когти. Ее мерзкий запах до сих пор витает в воздухе. А что если кроме нее есть и другие?

Бесконечно тянется день. По-прежнему идет дождь, мелкий, но постоянный. Я заставляю себя двигаться – если слишком долго сидеть в одной позе, боль усиливается. Стоять лучше, но так у меня скоро начинает кружиться голова. Черт бы все побрал! А если я не смогу ехать верхом? Если не смогу работать, когда мы окажемся при дворе?

А работать придется. Кровь из носа, а придется. Я не могу позволить себе стать слабым звеном. Воин должен учиться терпеть боль. И продолжать сражаться – неважно как.

Я тяжело опускаюсь обратно на камень, понимая, что если не сделаю этого, то упаду. Холодает. Надо немного походить и размяться, чтобы сохранить тепло. Но я устал, у меня все болит. Закрываю глаза, чтобы не видеть кружение деревьев, скал и неба, и мгновенно вновь превращаюсь в шестилетнего мальчика, которого братья ведут в лес. Они говорят, что в чаще, в какой-то норе оказался в ловушке щенок, а они оба слишком большие, чтобы забраться туда и его спасти. Когда мы приходим на место, я не слышу, чтобы щенок скулил; братья говорят, что он, должно быть, на грани смерти, и если я тотчас же не спущусь, то он умрет, и только я буду виноват, что не проявил достаточно храбрости.

Размеры норы как раз позволяют мне в нее пролезть. Шинан держит меня за лодыжки и опускает в узкое пространство головой вниз. Там царит мрак. Мне страшно. Ничего не видно. А что если там внизу вода, и я захлебнусь до того, как он вытащит меня обратно? «Дау, крикни, когда его схватишь!» – восклицает Шинан, но я его почти не слышу, сердце в груди колотится с такой силой, что в ушах гремит барабанная дробь. Я все жду, когда мои вытянутые руки наткнутся на теплую шерсть щенка, однако нора уходит все глубже, а я все еще ничего не чувствую. «Здесь никого нет!» – кричу я, но земля поглощает все звуки. И тогда брат меня отпускает.

– Плохи твои дела, – слышится рядом чей-то голос, я распахиваю глаза, вновь оказываюсь в Брефне. И я взрослый, хотя сердце колотится так же неистово, как в тот день, когда братья пытались меня убить.

На дороге стоит пожилая женщина, рядом с ней собака. На ней просторная шерстяная накидка с капюшоном, которую она тут же снимает, пока я смотрю на нее непонимающим

взглядом, мысленно наполовину застряв в прошлом. Она подходит ближе и набрасывает ее мне на плечи. Серый лохматый пес, в котором проглядывает что-то волчье, спокойно стоит рядом, в его янтарных глазах плещется настороженность.

Я пытаюсь сбросить накидку, но женщина жестом останавливает меня. Одежда сродни теплому объятию. Я дрожу под ней всем телом. Сколько времени мне пришлось просидеть под дождем? И что случилось с Илланом?

– Не отталкивай меня, парень, – говорит она, – я не оставляю тех, кто попал в беду. Что с тобой случилось? Ты поранился? Заблудился?

Я жестами даю ей понять, что не могу говорить. Что у меня есть спутник, который куда-то уехал. Что он вскоре вернется и приведет лошадей. Не знаю, много ли она из этого понимает, но мои трясущиеся руки облегчают ей задачу.

– Моя лачуга отсюда недалеко, – говорит женщина, – я могу приютить тебя на ночь.

Я все так же, жестами, отказываюсь и объясняю, что подожду товарища. В противном случае Иллан вполне может проехать мимо ее дома и всю дорогу ко двору Брефны мне придется проделать пешком. С вмятиной в черепе и хромой ногой. Замечательный вклад в успех миссии.

– Ты собираешься сидеть здесь и ждать?

Она смотрит на дождь, припустивший гораздо сильнее, чем раньше. По дороге расплываются лужи. Она превратилась в грязное месиво и ехать по ней скоро станет опасно. Я думаю об Иллане, который сейчас возвращается обратно верхом на одной лошади, а вторую ведет за собой. Если у него осталась хоть крупица здравого смысла, он наверняка найдет на ночь убежище, а утром попытается меня отыскать.

– После случившегося ты стал плохо соображать, – говорит женщина, – твой товарищ найдет тебя у меня дома. В здешних краях кроме моей лачуги больше ничего нет, поэтому будет хорошо, если ты остановишься там. Даже если бы ты был совершенно здоровым и бодрым, есть тысяча причин не оставаться здесь. Идти сможешь? Обопрись о мое плечо.

Я подчиняюсь, потому что в ее словах есть смысл. Когда я прикасаюсь к ней, пес утробно рычит.

– Спокойно, Шторм. Сюда, молодой человек.

С этого момента все расплывается. Крутой подъем в гору, который я преодолеваю, стиснув зубы и не обращая внимания на боль. По одну сторону от меня идет женщина, по другую пес, похожий на волка. Без их помощи я бы не дошел. Дом стоит на вершине холма, рядом бежит ручеек, с двух сторон его обступают дубы. Место странное, угрюмое и темное. Вдоль фасада на веревках болтаются какие-то штуковины – я слишком устал, у меня слишком кружится голова, чтобы понять, что это такое. Перья? Кости? Мумии? На соломенной крыше примостилась стайка взъерошенных птичек.

Внутри никого не видно. Женщина разводит в небольшом очаге огонь, подвешивает на хитроумную железную треногу горшок и велит мне снять мокрую одежду. Она дает мне одеяло, а мои вещи набрасывает на домотканую веревку, натянутую над очагом. Я чувствую себя так, словно погружаюсь в странный сон. Возвращаются видения прошлого, среди которых нет ни одного радостного. А были ли в моей жизни счастливые дни? Смех, солнечный свет, доброта? Если и были, я их не помню. Только один раз, который, в конце концов, оказался самым мучительным.

Старуха щупает мои синяки, смотрит в глаза, хмурится и начинает готовить какое-то снадобье. Я стараюсь не кривиться. Что она задумала – вылечить меня или отравить? Спросить я не могу. И не буду. Она разогревает похлебку и дает мне. Руки не слушаются, ложка гремит о миску. Глаза сами собой закрываются.

Я просыпаюсь на рассвете. В щели между ставнями бьет яркий свет. Какое-то время не понимаю, где я. И едва помню, кто я такой. В голове теснится множество историй, похожих на обрывки снов. Я слышу, как кто-то царапает по крыше, и воображение тут же рисует стаю воронов, готовых напасть. Надо идти. Убираться отсюда подальше. Но шевелиться нет никакого желания. Постель теплая, мне уютно, причем даже как-то странно. Я осторожно шевелю рукой. Поворачиваю голову в одну сторону, потом в другую, ожидая приступ боли, настигшей меня после падения. Но ничего такого не чувствую. Пытаюсь повернуться на бок, опасаясь, что сейчас запротестует спина. Опять ничего. Что же это был за отвар, которым она меня напоила?

Я сажусь и смотрю в противоположный угол комнаты. На полу, у остывшего очага, спит на одеяле старуха. Рядом с ней лежит пес, но тут же поднимает голову и смотрит прямо на меня. Его мысль совершенно ясна: «Посмотришь на нее косо, незнакомец, и ты покойник».

Я решаю, что встать и сходить по нужде можно и позже. Ложусь, закрываю глаза, и в памяти тут же всплывают образы воронов. На этот раз они летают в темной чаще, где деревья растут теснее, а тропинки ведомы только диким зверям. Где звучит странная музыка – не те задорные песни и танцы, которыми Ливаун и прочие развлекают островной народ, а совсем другая, от которой у меня на голове встают дыбом волосы. Там кто-то идет, человек в серой накидке, несет что-то в охапке, но вот что у него в руках, я сказать не могу. Твари парят высоко в небе, перекликаясь друг с другом. Какая-то часть меня стоит и наблюдает за ними. Но другая идет по дороге, несет свою ношу, прислушивается к биению собственного сердца, слушает птиц и зов музыки…

– Тебя зовут Нессан?

Я распахиваю глаза. Теперь в хижине намного светлее, один ставень открыт, и комнату заливает солнечный свет. В очаге разгорается огонь. Пес следит за происходящим, сидя у запертой двери.

Я сажусь и протираю глаза. Как мне удалось опять провалиться в сон? Казалось, только чуть-чуть отдохну, а на самом деле проспал намного дольше. И сон стряхнуть трудно. Что же за зелье она мне дала? Может, рассказывала мне какие-то истории, пока я спал? Может, я во сне разговаривал? Даже самая суровая подготовка на Лебяжьем острове не в состоянии этого предотвратить.

Я вдруг понимаю, что, по всей видимости, означает ее вопрос. Я с трудом встаю с постели и согласно киваю. Иллан, должно быть, здесь. Моя одежда…

– Спокойно, парень. Не торопись, иначе опять свалишься с лошади от полного изнеможения, а меня, чтобы помочь, в следующий раз рядом не окажется. Товарищ тебя подождет. Не бесконечно, конечно, но достаточно долго.

Женщина протягивает мне рубашку, штаны, ботинки и накидку – все совершенно сухое.

Теперь я смутно слышу, как Иллан меня зовет: «Нессан»! Но не за дверью. Он, наверное, на дороге внизу. У меня нет возможности спросить, говорила ли она с ним, знает ли он, что я здесь, или нет. Выяснять это с помощью жестов было бы слишком долго. Я не могу позволить ему уехать без меня.

Пока она хлопочет у огня, я одеваюсь. Туалет может подождать. Я набрасываю накидку и направляюсь к двери. Пес поднимается и пристально смотрит на меня. Я смотрю на женщину. Присев на корточки у очага, она переводит взгляд на меня. Сказать, о чем она думает, невозможно. Наверное, человеку моего положения полагалось бы вознаградить ее за труды. К моему поясу по-прежнему приторочен мешочек с небольшим количеством мелочи – большую часть наших денег везет Иллан. Я вытаскиваю несколько монет и кладу на стол.

Женщина не двигается и не сводит с меня глаз. Мне кажется, что она меня осуждает. Может, считает плату недостаточной? Но в такой ветхой лачуге, расположенной у черта на куличках, должны радоваться даже мелкой монетке.

– Нессан! – снова зовет Иллан.

Теперь его голос отдалился еще больше. Мне нужно отсюда убираться, но путь преграждает пес.

«Мой товарищ уезжает, мне надо идти», – пытаюсь жестами объяснить я, но и женщина, и собака меня игнорируют. Она приносит закупоренный кувшин, что-то черпает из него ложкой, кладет в котелок, добавляет воды и подвешивает над огнем. Пес внимательно за ней наблюдает. В чем дело? Что я делаю не так?

Я в отчаянии переворачиваю мешочек с деньгами. Его содержимое, грохоча по столу, образует небольшую горку. Пес рычит, но женщина встает, подходит ко мне, выхватывает у меня пустой мешочек, ловко сгребает все монеты, и сует их обратно. Туго затягивает тесьму и возвращает его мне.

– Возьми свои деньги, молодой человек. Будь у меня возможность дать тебе в дорогу немного мудрости, я бы не преминула это сделать. Ты, может, и не говоришь, но слушать и видеть можешь. А заодно и понимать – если немного подумаешь, – улыбается она. – Иди уже, найди своего друга. Шторм! Ко мне.

Пес, в котором есть что-то волчье, медленно подходит и садится рядом с ней.

– Шторм проводит вас с другом до выхода из леса. Пока он будет рядом, Воронье вас не побеспокоит.

Когда я похожу к порогу, что-то подталкивает меня остановиться. Старуха вернула мне деньги, дала в помощь своего единственного спутника, чтобы он меня проводил, предоставила кров и, по всей видимости, вылечила. Часть моего существа переполняют подозрения – зачем ей все это? Зачем отказываться от платы, живя в такой нищете? Зачем отпускать со мной волка, если она сама так одинока и уязвима? Зачем лечить меня и давать поспать, если ей от меня ничего не надо? Но другая половина, которая высказывается не часто, допускает, что все намного проще. Поблагодарить ее вслух я не могу. Но поворачиваюсь, прикладываю к груди сжатую в кулак руку и кланяюсь.

Женщина опять улыбается. На этот раз я вижу, что глаза ее теплеют.

– Хорошо, – отвечает она, – учиться, стало быть, ты можешь, хотя и довольно медленно. Но это не так уж плохо. Шторм, проводишь его до опушки. Ступай, молодой человек. И не возражай, пусть пес идет с тобой. Шторм знает безопасную дорогу.

Совет, как оказывается впоследствии, вполне здравый. Внизу, на главном тракте, с двумя лошадьми ждет Иллан. При виде меня его обычно мрачное лицо озаряется улыбкой.

– Хвала богам, ты жив и здоров, – говорит он.

Подойдя ближе, я вижу, что он очень бледен, и замечаю ссадины, которых вчера не было.

– Собака… – добавляет Иллан. – Или, может, волк? Мы не можем взять его с собой.

Мимикой и жестами я пытаюсь объяснить, что это пес из расположенного неподалеку дома, что он проводит нас до опушки, а потом вернется. А когда у меня не получается, я беру палку и рисую ею на земле – на этот раз успешнее.

– Все, что позволит нам доехать быстрее, только на пользу, – говорит Иллан. – Верхом скакать сможешь? Упал ты знатно.

Я киваю, показываю на ссадины на его лице и поднимаю брови.

– Попал в неприятности. Мне не сразу удалось отыскать серую. Из-за некоторых предприимчивых местных жителей, решивших запереть ее у себя в сарае. И еще сколько-то времени потребовалось, чтобы вернуть лошадь и твои пожитки. А когда со всем этим разобрался, возвращаться было уже небезопасно, поэтому пришлось искать ночлег. Это и к лучшему, потому что можно было немного подкормить лошадей.

Он смотрит, как я глажу серую по бокам и ощупываю ее ноги.

– Она не пострадала. А теперь еще и хорошо отдохнула, так что ехать на ней, пожалуй, будет хорошо.

Я сажусь в седло, понимая, сколько боли мне это должно было бы принести. Благодарность, которую я испытываю к старухе, соседствует с мучительными опасениями, что мне когда-нибудь придется с ней расплатиться.

Шторм ждет, когда мы с Илланом сядем на лошадей, чтобы тронуться в обратный путь. Его глаза горят, он гордо держит голову и точно знает, куда идет.

9. Брокк

В детстве мама рассказывала нам истории о Морриган – вороне и женщине, богине и твари, – которая, низко кружа, внезапно налетает на поле кровавой битвы, чтобы собрать души павших. Истории о воронах мудрых и о воронах зловредных. И все они, так или иначе, были связаны со смертью. Но ни одна из этих сказочных птиц не была похожа на тех, которых мы увидели, подъезжая к Брефне. Когда до конца пути оставалось совсем немного, мы поехали по лесному тракту. Местные жители называют его Вороньей дорогой. Позже я спросил их о происхождении этого названия. «Предрассудки», – ответил один. «Она идет по лесу, и там живут самые разные птицы», – добавил другой. Но третий сказал: «На ней встречается нечто такое, от чего в жилах стынет кровь. Ты можешь подумать, что это птицы, пока не присмотришься. Но ни одному человеку в здравом уме этого не захочется».

Вполне возможно, что барда нельзя назвать человеком в здравом уме. Увидев этих созданий, я решил подъехать ближе и рассмотреть их. Да, это точно не вороны, хотя и похожи на них. Напоминают существ из мира, куда нет доступа ни мужчинам, ни женщинам, – слишком больших, слишком могущественных и слишком умных, чтобы принадлежать царству природы. Я сочиняю о них балладу, хотя, наверное, не стану петь ее здесь, при дворе. Как и предполагалось, лорд Кора нанял нас накануне Дня летнего солнцестояния, поэтому нам понадобится весь наш репертуар, чтобы публика не скучала, равно как и новые баллады. Мне нельзя настолько увлекаться сочинительством, чтобы забывать истинную цель нашего присутствия здесь. Однако я музыкант и буду им и впредь, причем не только по легенде, но и потому, что иначе не могу. Во мне рождаются мелодии, в голове обретают жизнь истории и рифмы. Остановить этого я не смогу, даже если очень захочу. Ливаун говорит, что я появился на свет с музыкой в душе, хотя у меня нет полной уверенности в том, что все так просто.

Когда мы ехали через лес, мне захотелось остановиться, сойти на землю, побродить под сенью деревьев и отыскать что-то, не поддающееся определению. Это казалось безумием, поэтому я не стал поддаваться порыву. А когда уехал оттуда, мне послышался зов собственной арфы, хотя она была надежно упакована в чехол и приторочена к седельной сумке. Другие, скорее всего, ничего не слышали, а я не стал им ничего говорить. Об этом тоже надо бы сочинить балладу. Нет, поймать дикого зверя еще не значит его приручить, но это наверняка поможет моему взбудораженному сердцу принять случившееся.

Итак, мы явились ко двору Брефны. Моя арфа перенесла поездку хорошо и после замены двух струн и настройки теперь звучит, как положено. Ливаун пребывает в прекрасном расположении духа и готова принять брошенный нам вызов. Если ее ничем не занимать, она без конца мается. Лебяжий остров с его плотным графиком оттачивания боевых приемов, лазания по канату, восхождения на горы и прочими физическими упражнениями подходит ей как нельзя кстати.

Не успели мы провести при дворе и полдня, как она на моих глазах уже то ходит на руках, то раскачивается на низко нависшей ветке дерева, без конца взмывая вверх. Арку я об этом не говорю, но ей напоминаю, что музыкантам не пристало ничем таким заниматься, и отпускаю шутку в том смысле, что это сродни штанам, которые она носит. Мне до сих пор помнится, какой она была в детстве. Она считала своим долгом повторять все, что делал отец. Взбиралась наверх по высоким лестницам, колола большим топором дрова, перегоняла злобного быка с поля на поле. В большинстве своем родители отказали бы маленькой девочке, да даже и дочери постарше, в попытках справиться с такими задачами, но наш отец научил ее делать все это, не подвергая себя риску. Если нас не зачислят в отряд Лебяжьего острова, она вполне может мастерски крыть соломенные крыши, как отец, хотя даже у нее не получится резать фигурки

для конька, как это делает он. Иногда мне кажется, что в его руках заключена магия, хотя он, когда ему это говорят, лишь улыбается и пожимает плечами.

Причина столь ярого желания Ливаун поддерживать форму может сводиться к тому, что по возвращении на Лебяжий остров ей хочется одолеть в бою Дау. Ему, по всей видимости, нет нужды ходить на руках или раскачиваться на деревьях. Когда человек машет кузнечным молотом, это, надо полагать, самым замечательным образом придает ему сил. Когда вернемся, Арку стоит научить его играть на кельтском бубне.

Здесь я заставляю себя улыбнуться. Дау – музыкант? Ну уж нет, роль менестреля подходит ему ничуть не больше, чем мне роль сына вождя клана. Дау вернется, и его зачислят в отряд острова. А если нет, то возвратится во владения отца и продолжит там свою роскошную жизнь. Надеюсь, ему все же уготована судьба остаться на острове. В этом случае он, как человек, станет лучше.

В первый же вечер мы выступаем перед двором. Так как времени мало, Арку полагает, что нам лучше сразу заявить о себе, а раз так, то для нас это самая благоприятная возможность, разве нет? Собрались все, от принца Родана и регента до слуг, кучеров и стайки детей, за которыми практически вообще не присматривают. Мы выбираем надежные, проверенные номера, пользовавшиеся дома наибольшей популярностью. Во время концерта я стараюсь наблюдать, как нас и учили, но это дается с трудом – мысли растворяются в музыке. В какой-то момент из толпы доносится призыв к танцам, столы и стулья отодвигают к стенам, чтобы освободить место. Мы выдаем пару плясовых, а потом «Скачущего Артагана», позволяющего Ливаун продемонстрировать свой талант игры на свирели. Детям эта джига нравится, они пытаются хлопать ей в такт, хотя она все больше ускоряет ритм, и исполняют свою собственную версию танца под аккомпанемент нескончаемого хихиканья. За исключением одной-единственной девочки, которая сидит совершенно неподвижно в стороне от других и смотрит на нас настолько сосредоточенно, что это немного нервирует. Когда я ей улыбаюсь, она отводит взгляд, будто ее застали за чем-то нехорошим.

Наше выступление публике нравится. Даже принц Родан подходит сказать пару слов, пока мы собираем инструменты. Рядом с ним здоровенный личный страж, почти такого же роста, как наш брат Гэлен, исполняющий похожие обязанности в свите принца Далриады.

– Благодарю за усердие, – с улыбкой говорит Родан, – я почти не разбираюсь в музыке, но все остались довольны. Надеюсь, мы вас еще услышим.

Арку объясняет, что нас наняли до Дня летнего солнцестояния, и что развлекать зрителей мы будем наравне с другими придворными музыкантами. Страж разговаривает с Ливаун. Что-то о танцах.

– Ах, у нас нет возможности танцевать, – говорит она, играя роль Киры, польщенной интересом к себе, но немного смущенной, – нас только трое, и мы, в той или иной степени, вынуждены играть и петь каждый номер.

– Может, когда будут выступать другие музыканты? – в голосе здоровяка явственно слышен энтузиазм.

– Было бы хорошо, – отвечает Ливаун и бросает на Арку быстрый взгляд, словно опасаясь упреков, – посмотрим.

– Горв!

Это приказ, принц уходит, и его стражу не остается ничего иного, кроме как последовать за ним, хотя при этом он все равно смотрит через плечо на мою сестру.

– Я думаю, ты понравилась Горву, – шепчу я, когда мы собираем вещи.

– Оставь свои мысли при себе.

Она тычет меня локтем в ребра, хотя и не очень сильно.

– Это может пригодиться, – говорит Арку вполголоса.

Поблизости все еще кое-кто болтается, и нас могут услышать.

– Пойду лучше поговорю с другими придворными музыкантами. Не хочу вторгаться на их территорию. Но в целом мы играли отлично. Дудочник, надеюсь, у них есть свой.

10. Ливаун

Арку напоминает мне, что не стоит привлекать к себе здесь, при дворе, ненужного внимания. Не лазать по деревьям. Не делать физических упражнений, когда кто-нибудь может меня увидеть. Не подтыкать подол юбки. И перед тем, как что-нибудь сказать, каждый раз непременно думать. Мое участие в этой миссии сводится к тому, чтобы заводить дружбу с женщинами при дворе и собирать любую полезную информацию. По вечерам все будут слушать, как я играю и пою, поэтому поднимать темы музыки, а может быть и арфы нужда отпадет, тем более, что все взбудоражены предстоящей церемонией коронации. Арку уже не в первый раз напоминает, что я здесь для того, чтобы слушать.

Пока он читает мне нотации, я сижу молча, а когда говорю «Да, дядюшка Арт», то ничуть не лукавлю, хотя примерно то же самое уже талдычил Брокк, и мне нет надобности выслушивать это еще раз. Брат чуть-чуть старше меня, по крайней мере, так утверждают родители, и поэтому, наверное, считает себя ответственным за меня. Я никогда, ни разу в жизни не считала себя чьей-то младшей сестрой. Даже сестрой Гэлена, который на целых два года старше нас и гораздо выше ростом.

Я стараюсь. Общаюсь со служанками, слушавшими в первый вечер мое выступление. Музыка их не интересует, если, конечно, не считать упоминания о том, как красив наш арфист, особенно когда в его взгляде появляется мечтательное выражение. Они спрашивают меня, какими травами я пользуюсь, чтобы сохранить шелковистость волос. Мы заводим разговор о прическах, которые больше всего мне идут, и девушки предлагают помочь заплести мне косы перед следующим выступлением. Я старательно улыбаюсь и слушаю, хотя это очень и очень трудно, но так ничего и не узнаю.

Тех же женщин я встречаю изо дня в день, позволяя им заплетать мои волосы в замысловатые косы, украшая их лентами и цветами. Надеюсь, что Горв, тот здоровенный личный страж, не подумает, что все это ради него. Я расспрашиваю служанок об обряде коронации, но их интерес к ней ограничивается лишь нарядами, которые они собираются надеть, да вопросом о том, устроят ли после торжества бал. Меня охватывает тревога. На следующий день, когда рядом никого нет, я, пользуясь случаем, залезаю на огромный дуб, который для этого присмотрела, но, добравшись до середины, к своему изумлению сталкиваюсь с девчушкой, сидящей на ветке. Я открываю рот, чтобы пораженно вскрикнуть, но она поспешно прикладывает палец к губам, призывая к молчанию. Мы, даже по моим стандартам, забрались довольно высоко, причем никого другого я поблизости не видела. Потому что, если бы видела, то мое поведение шло бы вразрез и с приказом Арку, и с братским советом Брокка.

Какое-то время мы просто сидим на ветке и молча смотрим друг на дружку. Я почти ничего не знаю о детях. На вид девочке лет шесть-семь, помню, она сидела в главном зале, когда мы играли, чуть в стороне от остальной ребятни. Интересно, если она просто слезет, и я притворюсь, что не видела ее, ей будет грозить опасность? Я ожидала увидеть здесь только птиц, ну, может, еще пару белок. Но не эту маленькую, строгую барышню.

Я внимательно к ней присматриваюсь и пытаюсь мыслить как шпионка. К каким здесь можно прийти выводам? Девочка явно нарушает правила, как и я сама, иначе не стала бы призывать меня к молчанию. Может, она решила поиграть в прятки? Но я не слышу, чтобы ее звали другие дети. Признаков заботливой мамы или няни тоже не наблюдается. В чертах детского лица проглядывает намек на беспокойство. Она могла забраться сюда, потому что испугалась. Спряталась, *не желая*, чтобы ее нашли. Одежда на ней прекрасного качества – голубая пелеринка с искусной вышивкой шерстяными нитками на воротнике и подоле, а под ней тонкая льняная туника. Ботиночки, если они у нее есть, остались у подножия дерева. Носочки в дырках. Каштановые волосы, карие глаза. Вздернутый носик, ямочка на подбородке, и лицо,

которое вполне можно было бы назвать красивым, если бы не его печальное выражение. Судя по всему, она недавно плакала. Я хочу спросить, все ли у нее в порядке, но она сама велела мне молчать. Может статься, что мы просидим так бок о бок все утро и не перебросимся даже парой фраз.

Когда же моя маленькая соседка начинает говорить, ее голос звучит так тихо, что я едва его слышу.

– Я тебя знаю, – шепчет она, – ты играешь на свирели. И поешь баллады.

– Да, это…

Я замолкаю на полуслове – она опять подносит к губам палец, на этот раз еще настойчивее.

– Говори шепотом, а то разбудишь Мааре.

Я смотрю по сторонам, будто Мааре, кем бы она ни была, тоже может сидеть на дубовой ветке.

– А кто такая Мааре? – шепотом спрашиваю я.

– Ей положено за мной присматривать, но она уснула. Ты разрешишь мне поиграть на твоей дудочке?

– Но ведь это точно ее разбудит, разве нет? Да у меня ее и нет сейчас.

– Жаль…

За тоской в этом слове скрывается нечто большее, чем банальное огорчение от такой мелочи. В этот момент я замечаю на ветке за ее спиной холщовый мешочек. Из него торчит маленькая головка с парой глазок, вышитых темно-коричневой ниткой. По виду игрушка старая, грубая ткань истрепалась и покрылась пятнами. По форме ушей я понимаю, что по замыслу создателя это собака или кошка.

– Давай в следующий раз, – говорю я, – если Мааре не будет против. А ты умеешь играть?

– Ты можешь меня научить.

Нет, в Брефну я приехала совсем не для этого. Что можно узнать у маленького ребенка? Но няня, старшая сестра или кем бы там ни оказалась эта Мааре, так любящая поспать, может оказаться куда более ценным источником информации.

У девочки умоляющий взгляд, как у сломанной, брошенной куклы.

– Я научу тебя играть пару нот. Чтобы выводить мелодии, надо долго учиться.

Она берет мешочек с игрушкой, вешает себе на грудь и очень серьезно смотрит на меня. Кожа на ее руках и лице очень светлая, под ногтями чисто. Несмотря на то что она лазает по деревьям, ее длинные волосы аккуратно заплетены, хотя кое-где все же выбиваются прядки. Это точно не ребенок прислуги.

– Но на этом дереве никакой музыки, – говорю ей я, – свирель может упасть вниз, а прыгает она довольно скверно.

– Хорошо, я поняла. Мне нравится та быстрая мелодия, по-настоящему быстрая, там еще много нот.

– Под которую все пускаются в пляс?

Девочка кивает, все с тем же строгим выражением лица.

– Она называется «Скачущий Артаган», играть ее очень нелегко. На первых порах мы могли бы начать с чего-нибудь попроще.

– А сейчас нам нельзя сходить за твоей дудочкой?

– Нет, ведь нам понадобится какое-нибудь тихое место, да и тебе сначала надо узнать, не возражает ли Мааре, а то у тебя будут неприятности. К тому же, если я собираюсь разрешить тебе играть на одной из моих свирелей, то сначала должна узнать твое имя. Меня зовут Кира.

Девочка шепотом отвечает на мой вопрос в тот самый момент, когда снизу ее зовет женский голос:

– Ашллин? Где ты?

– Это Мааре, – все так же тихо говорит Ашллин, – она не знает об этом дереве.

Теперь в ее голосе слышится страх.

– Тогда ты слезай первая, а я подожду, пока вы не уйдете.

Она резво соскальзывает с ветки, и сердце в моей груди сжимается от страха. Но девочка проворна как белка. Я с восторгом смотрю, как она быстро спускается вниз, завидуя, что мне самой не удалось бы проделать это так тихо и ловко. По пути она замирает, поворачивается и одними губами шепчет:

– Не забудь.

Я киваю, и в следующий миг ее уже нет. Я даже не знаю, чей она ребенок и доведется ли мне еще когда-нибудь с ней встретиться.

Дождавшись, когда Ашллин, как мне кажется, скрылась из виду, я спускаюсь вниз, расправляю юбку и иду на женскую половину. Во владениях лорда Коры снуют туда-сюда посетители, и в общих спальнях яблоку негде упасть. Знатных гостей – вождей кланов, богатых землевладельцев, советников и высокопоставленных стражей порядка – селят в отдельных апартаментах в главном здании, некоторых с семьями. Мы, музыканты, никуда не вписываемся. Да, благодаря талантам, нам удалось заслужить уважение, но мы не входим в круг высокородной знати, включающий в себя лорда Кору с женой и наследника трона Родана. С нами обращаются вежливо, мы обеспечены всем необходимым – горячей водой для мытья, удобными постелями и отличной едой. Но рядом с нами спят и сидят за столом не господа, а слуги. Если Арку считал, что нам будет легко подобраться к принцу, его кругу или соперникам, претендующим на трон, то это было ошибкой. С аристократией мы общаемся, только когда развлекаем их в парадном зале поместья Коры. Если это вообще можно назвать общением. Они сидят и слушают – хотя некоторые из них, не обученные хорошим манерам, продолжают болтать и смеяться, напрочь игнорируя наше пение и игру, – а мы усердно работаем на сцене до того момента, пока не приходит время идти спать. Будь такая возможность, было бы совсем неплохо потанцевать.

– Кира! А я тебя искал.

Я спускаюсь вовремя, потому что в этот момент по покатому травянистому склону, отделяющему рощу, где растет дуб Ашллин, от входа в большой укрепленный каменный замок, сюда идут Арку и брат. В этом замке, напоминающем башню, находятся королевские апартаменты, парадный зал и комнаты советников. Его окружает множество глинобитных домов, не очень просторных, но прочных. В них устроили спальни, общую купальню и гигантскую кухню.

Еще дальше – амбар, конюшни с пастбищем, кузница, скотобойня, дубильня и другие хозяйственные постройки.

По периметру поместья проходит насыпной вал с высокой стеной вбитых в землю острых деревянных кольев. У ворот постоянно несут службу, самое меньшее, четверо стражей, еще несколько стоят в карауле вдоль стены. Ночью дорожки освещают факелы. На западном краю поместья высятся главные ворота, через которые можно выехать на тракт, по обе стороны которого разбросаны жилища. На западе, где растет дуб Ашллин, деревья с внешней стороны так и льнут к крепостной стене. Будь это укрепление ниже, его можно было бы назвать брешью в обороне, однако в таком виде проникнуть этим путем в замок могут только куницы да белки.

– С нами желает говорить лорд Кора, – говорит Арку.

«Самое время», – думаю я, но молчу. Если бы арфу надо было отыскать срочно, регенту, на мой взгляд, стоило бы пригласить нас в день приезда.

– Он хочет видеть нас всех?

– Да, Кора велел прийти всем троим.

Арку озирается и, хотя рядом никого нет, переходит чуть ли не на шепот.

– Говорить будете, только если обратятся непосредственно к вам. А так помалкивайте и наблюдайте.

– *Обратятся?* – переспрашивает Брокк, когда Арку ведет нас к замку. – Значит, лорд Кора будет не один?

– Мне не сказали, – отвечает Арку, – лишь сообщили, что все присутствующие там осведомлены о цели нашего визита. Но все равно надо подождать, пока это не выяснится наверняка.

Мы подходим к большим воротам королевской резиденции; снаружи стоит стража.

– Прежде чем что-то сказать, думайте, – шепчет Арку, глядя на меня.

– Хорошо, дядюшка Арт.

В зале советников, спрятанном в глубине лабиринта коридоров, который раскинулся внутри замка, нас встречают трое. У двери встает крепко сбитый страж. Я бросаю на него взгляд и думаю о том, сколько времени мне понадобится, чтобы сбить его с ног и выхватить копье. Мне очень не хватает учебных боев.

– Вот и вы.

Один из троицы встает, двое других остаются сидеть. Лорда Кору – стройного мужчину среднего роста с коротко стриженными седыми волосами и суровым взглядом – мне как-то показали в обеденном зале. Сейчас он выглядит устало, под глазами залегли круги. Тот, что встал, – Брондус, главный советник регента, повыше и помоложе. У него внешность человека, который терпеть не может дураков и никогда не тратит времени попусту. Третьего я раньше не видела, но он похож на друида: кремовая мантия с наброшенной поверх нее серой накидкой, на шее на веревочке висит небольшой кожаный мешочек, длинные седые волосы заплетены в косы. Может, Верховный Друид?

– Дверь заперта, у нее выставлена охрана, – говорит Брондус, – и так будет до окончания нашей встречи. В этих четырех стенах мы можем говорить свободно. Милорд, мне позволено продолжать?

Кора машет рукой, выражая согласие.

– Меня зовут Брондус, я советник лорда Коры. Нам оказал честь своим присутствием брат Моркан, глава здешнего сообщества друидов.

– О нас вам уже сообщили, – говорит Арку, и его голос в этой высокопоставленной компании звучит совершенно непринужденно, – меня зовут Арт, со мной племянница и наш друг, музыкант Донал. Лорд Кора, мы благодарим вас за оказанное гостеприимство. Нам с лихвой предоставили все необходимое.

– Понятно, понятно, – нетерпеливо говорит регент, – когда вы справитесь с заданием, вам, разумеется, заплатят. Время поджимает. У нас его совсем мало, а у вас наверняка есть вопросы.

Этот человек натянут как струна.

– С вашего позволения, милорд, я в нескольких словах расскажу, что нам уже известно, и тогда мастер Арт сможет задать вопросы.

Кора кивает, и Брондус продолжает:

– По всей видимости, со всеми вами мы сегодня встречаемся в первый и последний раз; следующий раз мог бы привлечь ненужное внимание. В то же время, нам придется и дальше делиться полученными сведениями. Заниматься этим лучше всего мне и вам, мастер Арт. После этого я буду информировать лорда Кору, а мастер Арт – Киру и Донала, если в этом возникнет необходимость. Полагаю, вы понимаете, что сохранение тайны в этом деле – предмет первостепенной важности.

Он смотрит на меня с таким видом, словно из всех троих я единственная могу выболтать наши секреты. Я не позволяю сорваться с губ словам, которые приходят в голову первыми, и просто киваю.

– Сведения, которыми мы располагаем, основываются на сообщении, которое прислал лорд Кора, – говорит Арку, – можно мы сядем?

– Окажите любезность.

Все садятся – мы по одну сторону стола, они – по другую. Если учесть, что именно на нас они возлагают надежды в решении этой действительно серьезной проблемы, атмосферу вряд ли можно назвать дружелюбной.

Друид Моркан до сих пор не проронил ни слова. Если они действительно поручают нам найти эту бесценную арфу, то демонстрируют это весьма странным образом.

Брондус пересказывает нам то, что мы и так отчасти знаем, хотя и сообщает при этом некоторые подробности. Арфа хранится – точнее хранилась – в неметонах[2], святилищах друидов, расположенных к западу от королевской резиденции. Инструмент представляют публике только по случаю коронации нового короля. Традиция требует, чтобы игрой на нем сопровождалась каждая такая церемония.

– Могу я задать вопрос?

Все трое смотрят на Брокка. Наступает тишина.

– Вы арфист, не так ли? – наконец, подает голос брат Моркан.

Тон его вежлив.

– Верно. А еще я пою, сочиняю музыку и стихи. Мне хотелось бы узнать, как часто на арфе играют в неметонах и кому поручено за ней ухаживать – следить за деревянными деталями, менять струны и прочее. Насколько я понимаю, инструмент по-настоящему древний, поэтому нам будет полезно знать, кто имеет к нему доступ и как часто этим доступом пользуется.

Хороший вопрос, хотя, может, и несколько преждевременный.

– Арфа хранится в пещере, – говорит Моркан, – большинство друидов, по традиции, живут в лесу и наш орден тоже придерживается такой практики, ничем не отличаясь от других. Свои жилища мы строим из ветвей, мха и травы. В лесу есть лабиринт пещер, некоторые из них довольно крупные. Они хорошо защищены от избытка влаги, холода и тепла. Там и хранится Арфа Королей.

– В пещере? Это значит, что туда при желании может зайти кто угодно? И не только зайти, но и выйти? Инструмент охраняют?

Арку бросает быстрый взгляд на Брокка, вероятно забывшего приказ молчать до тех пор, пока его самого не спросят.

Моркан криво улыбается и становится от этого не таким неприступным.

– Нам никогда и в голову не приходило принимать подобные меры предосторожности. В этом хранилище арфа содержалась в целости и сохранности с незапамятных времен. И предположить, что кому-то захочется ее украсть, было… немыслимо. Это стало бы величайшим оскорблением богов и мы теряемся в догадках, совершенно не понимая, как ее можно было незаметно вынести. Соседнее помещение занимают три наших самых одаренных молодых друида и как минимум один из них, как правило, проводит там целый день. При обращении с Арфой Королей следуют строгим правилам. Упомянутыми вами практическими вопросами занимается наш Верховный Бард Фараннан. Ему единственному позволено играть на инструменте, который извлекают из хранилища только в его присутствии.

Брокк открывает рот, чтобы задать следующий вопрос, но тут же бросает на Арку взгляд и замолкает.

– Дверь запирается? Или, может, помещение как-нибудь отгорожено? – спрашивает Арку.

---

[2] В мифологии ирландских кельтов священные рощи, где кельтские жрецы-друиды поклонялись духам леса.

– Ни железной решетки, ни дубовой двери там нет. Пещера и ее содержимое защищено искусным заклятием.

У меня на языке вертится грубое ругательство, но я умудряюсь его проглотить. Считаю до пяти, никто не говорит ни слова. Даже самой проверенной и закаленной команде Лебяжьего острова не хватит способностей справиться с такой проблемой. Или все же хватит? Я прилагаю все усилия, чтобы мое лицо выглядело бесстрастным, что в данных обстоятельствах сродни подвигу.

– Искусным заклятием, – отзывается эхом Арку, – то есть друидической магией, к которой прибегли в самом сердце святилища. И несмотря на это…

Опять воцаряется тишина.

– И, несмотря на это, дело обстоит именно так – Арфа Королей исчезла, – угрюмо говорит Моркан, – исчезла без следа после того, как мы столько лет ее надежно хранили. По идее, это невозможно.

У меня есть множество вопросов. Если здесь замешана магия, то зачем просить решить проблему команду Лебяжьего острова? Может, арфа вовсе не исчезла, а ее просто перепрятали в политических целях – дискредитировать одного претендента на трон в пользу другого? Такую возможность мы обсуждали перед тем, как покинуть Амбар. Как преграда в виде искусного заклятия могла оказаться достаточно мощной, чтобы продержаться сотни лет после смерти того, кто ее создал? И если эта преграда была невидимой, то могли ли друиды в соседней пещере заметить, что арфы больше нет? Мне казалось, что о ее исчезновении знают совсем немногие.

– Я должен задать вопрос, брат Моркан, – говорит Арку, – вы полностью доверяете каждому члену вашей общины, включая и недавно набранных друидов-учеников? Как вы понимаете, я говорю не о заклятии, а лишь о доступе к Арфе Королей, о том, не мог ли кто-нибудь незаметно вынести инструмент из неметонов. Думаю нам, в первую очередь, следует рассмотреть именно эту возможность как самую простую. Если один друид может прибегнуть к магии, чтобы сохранить какую-то вещь в целости и сохранности, то другой, вполне естественно, тоже может прибегнуть к магии, чтобы разрушить заклятие и вынести предмет из хранилища. Причем не забывайте, что мы практически ничего не знаем о тонкостях этого заклинания. Но раз уж мы приехали сюда решить вашу проблему, нам понадобится вся информация, которую вы можете нам предоставить.

Он говорит спокойно, в своей привычной манере.

Интересно… Может заниматься сверхъестественными явлениями, в конечном счете, – неотъемлемая часть нашей работы? Нас никогда ни к чему такому не готовили. Возможно, этой науке учат только после зачисления в элитный отряд Лебяжьего острова.

– Задай вы мне этот вопрос до исчезновения арфы, я бы точно сказал, что конечно доверяю, – говорит Моркан, – даже те ученики, которых мы взяли совсем недавно, понимают сакральное значение Арфы Королей. И, честно говоря, я не верю, что ответственность за ее исчезновение несет кто-то из нашего братства. С другой стороны, постороннему туда не войти.

Брокк откашливается и смотрит на Арку.

– Чтобы провести полное расследование, – говорит тот, – по меньшей мере, одному из нас придется отправиться в неметоны…

А когда верховный друид собирается его перебить, добавляет:

– Нет-нет, уверяю вас, не в качестве представителя закона, который всюду суется с неудобными вопросами. Нам совершенно ясно, что это дело должно храниться в тайне. Насколько я понимаю, даже от принца Родана.

Трое сидящих перед нами людей вдруг одновременно чувствуют неловкость. Отвечает Брондус.

– Да, лорд Кора подумал, что принца лучше не ставить в известность. Чем меньше народу будет об этом знать, тем спокойнее. Я понятия не имею, как кто-то из вас может отправиться в неметоны, не вызывая подозрений. Возможно, это нам объяснит брат Моркан.

– Наш орден придерживается строгих традиций, – говорит друид, – гостей мы почти не принимаем, а неметоны братья покидают только при определенных условиях. К примеру, их покидают наши целители, когда в этом возникает настоятельная необходимость. У нас есть двое братьев в миру, снабжающих нас всем необходимым. К тому же, существуют ритуалы – в общине мы практикуем обряды помолвок, погребения и благословения.

– Добавьте сюда коронацию, – говорит Арку.

– Давайте ближе к делу, – наконец, вступает в разговор лорд Кора.

Голос его спокоен, но костяшки пальцев, сцепленных на столе, побелели.

– Брат Моркан выступает в роли моего советника по многим вопросам, поэтому бывать здесь для него обычное дело. Но я у него не бываю. Неметоны хоть и недалеко отсюда, но существуют обособленно.

– Коронация, – повторяет Арку, – Верховный Бард, музыка, арфа. В братстве должны быть и другие арфисты, в том числе, надо полагать, и молодые. Я сам не собираюсь внедряться в сообщество друидов, потому что буду выделяться среди них как лохматая дворняга на фоне ухоженных котов. О Кире, конечно же, тоже речи быть не может. Я так понимаю, что в вашем ордене строгих правил женщинам не место.

– Совершенно верно.

Моркана подобная мысль явно поразила, хотя мне приходилось слышать об общинах друидов, принимающих в свои ряды и мужчин, и женщин, – их члены могут вступать в брак и рожать детей, что совершенно не мешает им вести жизнь, посвященную благим делам и молитвам. Но не мне просвещать Верховного Друида Брефны.

– А к тем немногим гостям, которых вы все же принимаете, относятся странствующие ученые мужи? – самым почтительным тоном спрашивает Брокк.

– Относятся, молодой человек… запамятовал, как вас зовут.

– Донал, брат Моркан. Мне всегда интересно обсуждать с коллегами, другими музыкантами, старинные песни, легенды и их значение, равно как и играть вместе, разучивая что-нибудь новое. Мне известно, что друиды-ученики остаются таковыми долгие годы, усваивая традиционное знание, становясь кладезями мудрости в толковании старинных сказаний. Но я ведь тоже могу внести свой вклад, потому что много путешествовал, общаясь в своих странствиях со многими музыкантами и сказителями. Надеюсь, вам не покажется слишком самонадеянным мое предположение, что если мне позволят провести в общине какое-то время, я не только смогу научиться чему-то у ваших братьев, но и, в свою очередь, принесу им определенную пользу. Вероятно, мне можно было бы позволить обменяться мыслями с вашими молодыми друидами, особенно проявляющими интерес к традиционному знанию и музыке.

И тут происходит чудо: друид улыбается.

– Мы все проявляем к ним интерес, Донал.

– Донал искусный музыкант, – спокойно замечает Арку.

– Милорд, – говорит Моркан, обращаясь к регенту, – Верховный Бард, полагаю, благосклонно воспримет предложение Донала, ведь о брате Фараннане, как об ученом муже, многие тоже высокого мнения. Да, я понимаю, время не ждет. Если вы не возражаете, я сегодня же поговорю с ним, и если получу его согласие, мы пришлем гонца, который завтра же приведет Донала к нам. Только не забудьте захватить арфу, молодой человек.

Решение принято.

– Захвачу. Благодарю вас, брат Моркан. Благодарю вас, милорд.

Энтузиазм Брокка выглядит совершенно естественным и неподдельным. Надеюсь, музыка и традиционное знание не поглотят его до такой степени, чтобы забыть, что в неметоны он отправляется в роли соглядатая. Вытащить человека бывает столь же трудно, как и внедрить.

Мне нужно поговорить с Брокком и Арку с глазу на глаз – только мы втроем за запертой дверью. Перед отъездом Брокка в неметоны я должна выяснить несколько моментов. Насчет той непонятной информации о заклятии и пещере без дверей. И что еще более важно, хотя и не так срочно, стоит обсудить вопрос о принце Родане. Насколько нам известно, его в тайну не посвятили. Но чем больше я об этом думаю, тем более странным мне это кажется. Либо регент со своими советниками всецело доверяют нам и не видят необходимости расстраивать наследника престола, либо у них есть другие причины не делиться с ним столь важными сведениями. К этому, возможно, причастны и его личные стражи. Горв с напарником, которые повсюду следуют за принцем. Кора, похоже, всерьез озабочен личной безопасностью Родана. Из чего вполне можно сделать вывод, что если арфу похитил другой претендент на трон, то у него есть запасной план на тот случай, если инструмент вовремя отыщут и вернут. Например, убийство, замаскированное под несчастный случай. Вот Кора и попросил принца никогда не расставаться с личной стражей. Нам надо выяснить, кто еще претендует на трон, находятся ли они здесь, при дворе, а если нет, то не ожидается ли вскоре их прибытие. Во время инструктажа прозвучало имя Тоссака. Должны быть и другие, ведь на престол может взойти любой родственник последнего короля, хотя шансов у любого из них гораздо меньше, чем у его собственного сына.

– Идем репетировать, – шепчет Арку, когда мы выходим из замка, – без промедлений. В нашем обычном месте.

Репетиции – отличный предлог для разговора без свидетелей, при том, однако, условии, что мы, навострив уши, внимательно следим за тем, не явился ли непрошеный гость, которому якобы захотелось послушать музыку. «Обычное место» – это сарай для хранения инструментов. Перед нашим приездом там все убрали, поставили несколько скамеек и привели в порядок дверь, которая теперь закрывается и запирается на замок. К этой постройке примыкает конюшенный двор, что очень удобно, если Арку нужно передать что-нибудь вспомогательной группе; как правило, нас там никто не беспокоит. Эти меры я объясняю тем, что регент знает об истинной цели нашего приезда – вряд ли так станут устраивать любых заезжих музыкантов.

– Претендент на трон, по всей вероятности, Тоссак, – шепчет Арку, когда мы устраиваем не столько репетицию, сколько тайное совещание.

Слушая, Брокк наигрывает тихую мелодию, для него не составляет труда делать одновременно и то, и другое. Если кто-то решит подслушать, переливы арфы заглушат слова.

– Он вождь клана Глендаррага и владеет обширными землями к западу отсюда. Эмблема его рода – дракон. Тоссак – ближайший родственник покойного короля и пользуется уважением. Он говорит, что конюхам нравится ухаживать за его лошадьми – самыми замечательными и всегда пребывающими в отличной форме. О притязаниях Тоссака на трон Брефны публично никто не говорит, да я и сам так не думаю, хотя решись он и предприми попытку, ему наверняка окажут серьезную поддержку. Если он намерен бросить Родану вызов, то действовать должен быстро. С другой стороны, если арфу не найти вовремя, то такой вызов можно бросить и в день коронации. До этого, надеюсь, не дойдет. Без этой арфы никто не сможет стать королем. Ты хочешь что-то сказать, Кира?

Я думаю о недавно закончившейся встрече, на которой я практически превратилась в невидимку.

– Прошу прощения, совсем немногое. Дядюшка Арт, у меня есть вопрос. О наследнике трона. Существует ли причина, побуждающая Кору и его советников не доверять ему столь важную информацию? Вскоре он станет королем, получит власть отдавать им приказы и…

Я нерешительно умолкаю, понимая, что у меня нет реальных аргументов в поддержку этих опасений.

– И?.. – тихим эхом отзывается Арку.

– Личные стражи Родана держатся начеку, даже когда он в своих покоях в окружении приближенных. Куда бы принц ни пошел, за ним тенью следует один из них – выглядит, по крайней мере, все именно так. Интересно бы узнать, ожидают ли они какой-нибудь подлости. Например, соперника, имеющего какой-то тайный план.

– Может быть, – отвечает Арку. – Того, кто знает об арфе и ответственен за ее исчезновение?

– Такому человеку без контакта в неметонах не обойтись, – говорит Брокк, одновременно наигрывая тихую, затейливую мелодию, – простому смертному туда не войти и не вынести арфу из защищенной заклятием пещеры. Брат Моркан либо лжет, либо напрасно доверяет братьям.

– Вот это тебе, Донал, как раз и придется выяснить, – говорит Арку, – предельно аккуратно и тонко. Допустив ошибку, можно нанести страшное оскорбление. Нельзя допустить, чтобы тебе перекрыли доступ в неметоны. Ты станешь там нашими глазами и ушами. Пообщайся с друидами помоложе, которые провели там уже много времени и, вероятно, скучают по дому. С тобой они могут говорить откровеннее. А я наведу справки о Тоссаке. Сейчас его при дворе нет, но он, как ожидается, приедет вместе с семьей незадолго до церемонии. Потом я потихоньку разузнаю о других кандидатах. Но поскольку до Дня летнего солнцестояния рукой подать, а никто из них так и не заявил о своих намерениях, эта линия расследования вряд ли принесет существенные плоды. А вот насчет безопасности принца ты права. Мы должны внимательно следить за малейшими намеками на трения в королевстве. За распрями между вождями кланов. За спорами из-за территорий. И вообще, если что-нибудь заметите, сразу сообщайте мне, даже если вам это покажется просто сплетней.

Мне в голову приходит одна мысль.

– Донал, тебе надо расспросить друидов о том, как выглядит Арфа Королей. Этот вопрос ты должен задать одним из первых. Ведь сейчас мы не узнали бы ее, окажись она у нас даже под самым носом.

– На вид она должна быть старой, – с улыбкой говорит Брокк, – очень старой.

– В рассказе Моркана не было ровным счетом ничего, что дополнило бы наши о ней сведения, – говорю я, – кто бы ни взял эту арфу, он обязан был обладать способностью расколдовать охранявшее ее заклятие или заклинание. Это значит, что вор не кто иной, как друид. Но зачем друидам нарушать их же собственный ритуал?

Брокк проводит пальцами по струнам арфы.

– Ответ может отыскаться в каком-нибудь древнем сказании, – отвечает он, – у друидов их бездонный колодец, и я надеюсь, что они поделятся ими со скромным менестрелем.

– Когда будешь там, не играй наших застольных песен, если не хочешь, чтобы тебя вышвырнули оттуда за развращение учеников.

– Все будет хорошо, – говорит брат и с отсутствующим видом исполняет несколько тактов песенки, слова которой вогнали бы любого друида в краску стыда, – обещаю.

11. Брокк

Утром меня сопровождает в неметоны друид средних лет. Мантия на нем не кремовая, как у Моркана, а зеленая, и косички не снежно-белые, а цвета воронова крыла. Зовут его брат Оланн. Он встречает меня у главных ворот королевской резиденции, мы вместе выходим из крепости и идем по дороге. За нами на почтительном расстоянии следует один из королевских стражей, но когда мы доходим до развилки, одна из дорог которой уходит в лес друидов, он останавливается.

– Дальше мы без него, – объясняет Оланн, – через Врата Дану может пройти только тот, кого мы сами пригласили.

Мы идем дальше и вскоре среди лесной чащи видим арку, искусно сплетенную из ивовых лоз. Врата выглядят открытыми, словно в них может войти кто угодно. Никакой охраны поблизости не видно. Во мне рождается начало баллады. *Но не каждый пройдет в эти врата, а лишь тот, кто знает заветное слово.*

Если оно и существует, это слово, или что-то другое, способное расколдовать чары, наложенные на Врата Дану, чтобы в них не прошел чужой, вслух его мой спутник не произносит. Но когда мы проходим под аркой, арфа за моей спиной издает тихий звук.

– О, – шепчет Оланн, – а тебе здесь, похоже, рады.

– Если так, то для меня это честь.

Обстановка торжественная и серьезная. Надо будет воспользоваться советом сестры и не исполнять здесь фривольных песенок. Хотя даже друидам время от времени наверняка стоит повеселиться.

Оланн ведет меня по широкой дорожке. Лес, с холма королевского замка кажущийся небольшим, на деле намного больше. Здесь тянут к небу темные руки исполинские, могучие дубы, а остролисты зловещими стражами охраняют неведомые человеку тайны. Есть и тисы, их величественные стволы в утреннем свете кажутся розовыми, а ветви тянутся к нам, словно приглашая обняться. *Не страшись, странник, задержаться в этой древней беседке. Эта поляна не раз давала приют одинокой душе в годину мрака и сомнений…* Хотя, конечно, эти деревья могут приютить и в мирные, радостные времена. Впрочем, другой бард мог бы сочинить песнь и получше. Такой путник, конечно, остановился бы, отдохнул под тисами и, вероятно, задумался бы о смерти, ведь это дерево часто связывают с переходом из одного мира в другой.

Мы углубляемся в лес, и я начинаю замечать признаки человеческого жилья, хотя это и не дома в том смысле, какой в это понятие вкладывает большинство людей. Эти обиталища то с невероятным мастерством выстроены прямо среди деревьев, то лепятся чуть выше, к каменистым выступам, и всегда выглядят естественным элементом пейзажа, хотя при более внимательном рассмотрении я все же узнаю человеческую руку – мостики через ручьи из неструганых досок; полянку, где среди некошеной травы красуются аккуратные грядки. За насекомыми летают крохотные птички. Молодой друид в голубой мантии разбрасывает вилами солому на грядках с овощами. Когда мы проходим мимо, он выпрямляется, подносит к глазам руку и смотрит в нашу сторону. Он мне кого-то напоминает, но размышлять о том, кого именно, мне недосуг. Парень в голубой мантии улыбается, кивает нам и возвращается к работе.

– Многое из еды мы выращиваем сами, – говорит Оланн, – наши адепты разбираются в смене времен года и понимают, что нужно брать у природы и что отдавать ей взамен, чтобы выжить в физическом мире. Это лежит в самой основе наших ритуалов. Но на свете нет ничего лучше, чем испачкать руки и преподать урок. Я всегда так говорю, хотя не все соглашаются.

На моем лице, вероятно, отражается удивление, потому что он улыбается и добавляет:

– Друиды, Донал, обожают спорить, и если ты проведешь у нас какое-то время, то очень быстро в этом убедишься. Даже самые старшие из нас участвуют в яростных дебатах.

– Можно спросить?

Он приподнимает бровь и отвечает:

– Конечно.

– Мне не сказали, сколько я должен пробыть здесь – целый день, несколько часов, или несколько дней. Нет-нет, брат Оллан, я далек от высокомерия – мне оказали честь, пригласив сюда, и я, в любом случае, буду рад, что бы вы мне ни предложили.

– Но при этом…

Его лицо расплывается в ухмылке. Вполне возможно, он видит меня насквозь, и его взгляд проникает в самую глубину моей души, где в эту минуту рождается желание явиться сюда не для того, чтобы шпионить. Как бы я хотел расслабиться и наслаждаться жизнью, ведь это лучшее, что случилось со мной за долгое, долгое время.

– Думаю, здесь можно многому научиться. Я не сомневаюсь, что ваши музыканты будут заняты – им надо заниматься… или пачкать руки как-то иначе. Но надеюсь, что у них найдется время и для меня. И что я смогу поделиться с ними всем, что знаю.

– Да?

Интересно, а друиды всегда отвечают вопросом на вопрос? Но тогда я еще ни о чем не спрашивал. И даже не считал нужным.

– Не думаю, что для этого хватит нескольких часов или даже целого дня, – говорю я и мысленно пинаю себя за невоспитанность, – прости, брат Оланн. Я знаю, как редко вы приглашаете сюда гостей, и не мне судить, сколько здесь оставаться. Просто этот лес словно околдовал меня. Он меня зовет.

– Может статься, Донал, что мы сделаем из тебя друида. – Он тепло мне улыбается, даже не думая насмехаться. – Брат Фараннан, наш Верховный Бард, осведомлен о твоем визите. С ним ты увидишься вряд ли, однако он велел нам проявить рассудительность. Я знаю, что ты и твои друзья-музыканты, как правило, забавляете по вечерам публику при дворе, поэтому тебе наверняка захочется до ужина вернуться обратно. Сегодня ты присоединишься к нашей полуденной трапезе и проведешь время с кем-то из наших музыкантов. Я, увы, к ним не отношусь; мои знания касаются огорода, курятника и горшков для готовки. Но я, по крайней мере, могу пообещать тебе достойный обед. Если все будет хорошо, приглашение продлят, и ты сможешь навещать нас когда угодно.

Теперь и я улыбаюсь.

– Спасибо. Еще раз извини, что я заговорил, когда еще не настал мой черед.

– Я уверен, что ты не хотел ничего дурного. Здесь тебе следует проявлять рассудительность и здравый смысл, следуя при этом двум правилам. Друиды-ученики покажут тебе расположение нашего поселения и объяснят, куда можно ходить, а куда нет. Это касается как жилищ, так и территории под сенью деревьев за их пределами. Если гость нарушит эти границы, его, скорее всего, больше никогда сюда не пустят.

Я киваю. От того, как резко изменился его тон, внутри все холодеет.

– Я понял, брат Оланн. А второе правило?

– Не забывай, что ученики должны следовать правилам, нарушение которых ведет к изгнанию из нашей общины. Ты наверняка можешь представить, что это может значить для человека, для которого срок ученичества подходит к концу.

Знает ли он, что меня привела сюда Арфа Королей? На совещании с лордом Корой его имя не упоминалось, значит, надо полагать, что нет.

– Обещаю тебе ничего такого не допустить, брат Оланн. Ученики, надеюсь, предупредят меня, если я нечаянно слишком близко подойду к запретной территории, будь это тропинка, проторенная человеческими ногами или даже лишь мыслями. Я говорю это потому, что совсем не знаю ваших правил. Разве что, как ты сам сказал, буду стараться проявлять рассудительность и здравый смысл.

Проклятье Морриган! Теперь я говорю как Дау, преисполненный осознания собственной значимости.

– Обещаю сделать все возможное, – добавляю я.

Вскоре я оказываюсь в компании троих учеников примерно моего возраста в голубых мантиях, каждый из которых талантливый исполнитель и арфист. Пока мы обмениваемся нашими любимыми сказаниями и песнями, время летит незаметно. Мы по-дружески спорим о лучших способах находить необычные рифмы, о том, как сделать более затейливым ритм и более выразительной мелодию. Сравнивать инструменты, обсуждать лучшие струны, говорить о том, где их взять, и чем отличаются разные арфы, очень увлекательно. Некоторым, надо полагать, наш разговор может показаться скучным. Моих товарищей, новобранцев с Лебяжьего острова, он бы быстро утомил. Легко можно представить, как Дау зевнул бы во весь рот, прикрыв его рукой. Но я счастлив, чувствую себя в безопасности и всем доволен.

Тем не менее, меня ждет работа. Если бы не Арфа Королей, меня бы сюда не пустили. Из этих учеников никто ни разу не упомянул ни о ней, ни о ритуале в День летнего солнцестояния, а сам я никак не могу придумать способ об этом спросить. Мы расположились в каменной палате, но мне непонятно, как близко отсюда пещера, где обычно хранится священный инструмент. Для музыки место подходящее. Каменные стены отражают и очищают звуки, которые снаружи терялись бы среди деревьев. К тому же, опять идет мелкий дождь – когда к нам входит еще один человек, у него в руках распростертая над головой шерстяная накидка, на которой в свете ламп серебрятся капельки влаги.

– Сырой сегодня выдался день, – замечает он.

Это тот самый друид, который работал в огороде. У меня опять возникает чувство, что я видел его раньше, хотя даже предположить не могу, где именно. У него светло-каштановые волосы, но не заплетенные в косички, а распущенные по плечам. Черты лица приятные, но не сказать, что запоминающиеся. Мне нравится его улыбка.

– Заходи, брат Фелан, – говорит ему брат Росс.

При этом все трое встают, словно брат Фелан среди них старший, хотя, на мой взгляд, лет ему ненамного больше, чем им. Я тоже поднимаюсь на ноги, ведь гость должен быть вежливым.

– Сегодня мы тебя не ждали.

– Я ненадолго, – певучим голосом отвечает Фелан, – узнал, что к нам пришел бард, и решил его поприветствовать. Донал, так? Интересная у тебя арфа… старая, но видно, что ее любят… да и играешь ты на ней немало.

– Мне ее подарил наставник.

Лгать этому человеку неловко.

– Мы вместе прошли немало миль. Верный товарищ. Мой второй голос. А ты, брат Фелан, тоже арфист?

– Да, немного играю.

Выражение на лицах остальных говорит о том, что он явно скромничает.

– Жаль, что не могу к вам присоединиться, меня ждет брат Фараннан. Ты надолго в неметоны?

– Если мне разрешат, буду приходить сюда каждый день.

– Я очень люблю легенды, – говорит брат Фелан, – я много работаю с братом Огром, это наш ученый муж. Когда не обучаю здесь моих товарищей, других учеников. Я был бы рад с тобой пообщаться, когда будет можно. Может, мы даже смогли бы с тобой вместе поиграть.

– Почту за честь, – говорю я.

Судя по тому, как жадно остальные ученики впитывают каждое его слово, этот скромный человек, надо полагать, в своем деле великолепен. Он что же, учит других, хотя сам еще ученик? Но пока еще не время задавать вопросы, потому что Фелан явно торопится. Вот он уже идет к выходу из пещеры и склоняется в легком поклоне, словно извиняясь.

– Тогда до скорой встречи, друг. И добро пожаловать к нам.

Брат Росс упрощает мне задачу. Когда Фелан уходит, он говорит:

– Удивительно искусный арфист. Всегда намного всех нас опережает. Брат Фараннан большую часть времени доверяет ему учить нас. Так что он, конечно же, проводит здесь много времени.

Я не понимаю, кого он имеет в виду, Фелана или Верховного Барда, но другой ученик, Шида, поясняет.

– К Лугнасаду[3] для него начнется второй этап обучения.

Жаль, что мои познания о друидах столь ограничены. Я знаю, что они многое держат в секрете, и не хочу оскорблять их неудобными вопросами.

– А это очень долго? Имеется в виду учиться?

Лучше уж показаться наивным и глупым, чем ляпнуть что-нибудь лишнее.

– Трижды по три, – говорит еще один ученик, Флэнн, – то есть долгие годы. Три стадии обучения. К концу первой ты знаешь множество разных легенд. И баллад, если подаешь хоть какие-то надежды как бард. Когда Фелан поднимется выше, мы нечасто будем его видеть.

– Наверное, – говорит Росс, пытаясь извлечь аккорд из арфы, только что перенастроенной им на новый лад с полутонами в самых неожиданных местах.

Результат выбивает меня из колеи. Я понимаю, как на этом построить мелодию, но совсем не уверен, что этого хочу. Меня вдруг осеняет, что некоторые мелодии и ритмы уже несут в себе что-то вроде магии и если их сыграть, то явятся странные духи или непостижимым образом изменится природа вещей. Может, ручей потечет вспять. Или зимой зацветет дерево. Или человек воспылает ненавистью к лучшему другу.

– Этот строй… ты хочешь использовать его, чтобы сочинить песнь или балладу? – спрашиваю я.

Мой вопрос явно застигает Росса врасплох, и я пугаюсь, что нарушил правила. Но потом вспоминаю рассказ о брате Фелане и его успехах во время обучения.

– Меня потрясло, что брат Фелан оказался достаточно сведущим, чтобы учить других, – говорю я, мысленно возвращаясь к тому разговору, – помнится, вы говорили, что будете нечасто с ним видеться, когда первые три года его обучения подойдут к концу. Но почему? Хотя нет, простите, видимо я задаю слишком много вопросов.

– Мы предлагаем тебе обмен, – с ухмылкой говорит Флэнн, – ты учишь нас своей самой зажигательной джиге, а мы за это отвечаем на пять твоих вопросов.

Остальные осуждающе смотрят на него, но молчат.

– Десять, – отвечаю я.

– Десять за джигу и песнь. Песнь из тех, которые ты играешь, чтобы поднять публике настроение. И я имею в виду не друидов.

– Идет, – говорю я, – при условии, что сюда не ворвутся брат Фараннан или брат Моркан и не вышвырнут меня за то, что я вкладываю в ваши головы нехорошие мысли.

Все трое хохочут.

– Тсс, – цыкает Шида, прикладывая к губам палец, – не будем выдавать эту страшную тайну.

– Какую из них? – спрашивает Флэнн.

– Что пара-тройка таких нехороших мыслей в наших головах уже есть. Не у брата Фелана, конечно же, его мысли самые что ни на есть возвышенные, все до одной. Но вот что касается нас троих…

– Ты слишком много болтаешь, Шида, – говорит Росс, хотя и улыбается, как и остальные, – что же касается твоего вопроса об этих трех годах, Донал, то на первом этапе обучение

[3] Лугнасад – кельтское название августа и одноименный праздник начала осени. – *Прим. пер.*

в основном состоит в том, чтобы играть и петь, изучать легенды, подбирать рифмы, зубрить традиционное друидическое искусство. На втором этапе мы, в частности, учимся лечить, в том числе травами. В то же время, мы, как барды, будем и дальше заниматься музыкой, потому что каждый из нас надеется, что его, в конечном итоге, изберут играть во время ритуалов. По окончании этих трех лет Фелан будет проводить с нами меньше времени. Вероятно, перестанет нас учить, и ответственность за это возьмет на себя кто-нибудь из друидов постарше.

– Постарше, однако не такой одаренный, – шепчет Шида, – но уж как есть. Фелан говорит, что мы делаем успехи, все больше помогая друг другу. Это утешает.

Не успеваю я ухватиться за благоприятную возможность, которую предоставляет ремарка о ритуалах, как Росс говорит:

– Ты спросил об использовании мной строя с пониженной секундой. У христианских монахов для него есть собственное название, но мы, друиды, называем его «тисовым». Я как раз сочиняю на его основе балладу – скорее в виде решения сложной задачи, а не в надежде, что братья станут ее петь, потому что это довольно трудно. Куда легче «дубовый» строй или что-нибудь немного печальное, например ива. Если ты останешься здесь на некоторое время, то тоже можешь попробовать. Сочинить плясовую в «тисовом» строе. Сейчас, насколько я понимаю, это было бы непросто.

На самом деле – нет. У меня получился бы странный, меланхоличный танец, немного неловкий, но тем и очаровательный. Я представляю невысокую фигурку, которая танцует в полном одиночестве на поляне, окруженной со всех сторон темными деревьями, под взглядами сотканных из теней силуэтов. Эта танцовщица – не человек, а порождение иного мира с неестественно большими глазами на угрюмом личике с длинным носом. Стоит ей сделать неверный шаг, как на нее тут же набросятся тени. Эту мелодию я назвал бы «Попрыгунья с совиными глазами»…

– Донал?

– Прости… что ты сказал?

Надо сосредоточиться. Кто-нибудь из них может подсказать ключ к разгадке, а я, погрузившись в мир грез, даже его не услышу.

Росс в недоумении смотрит на меня.

– Я спросил, можешь ли ты сочинить танец в «тисовом» строе. Но тут же подумал, что ты уже этим занялся, потому что видел похожий взгляд на лице Фелана, когда его одолевали муки творчества. В такие моменты он становится глух и ничего не слышит, кроме своего внутреннего голоса.

– Может быть, – с улыбкой соглашаюсь я и пожимаю плечами, – примите мои извинения. Что же касается мелодии, то не могу сказать, станут под нее танцевать или нет.

– Вот когда сочинишь ее, сыграй нам, и мы тебе это скажем, – говорит Флэнн.

– Разве друиды танцуют?

– Подожди немного, и сам узнаешь. А теперь, может, научишь нас какой-нибудь джиге?

12. Дау

После того как мы явились ко двору, я не поднимаю головы и делаю любую работу, которую мне поручает Иллан. Как только все поняли, что немой еще не означает ни на что не годный, на меня посыпались и другие задания. У Мухты, придворного кузнеца, подковывающего лошадей, гораздо больше работы, чем мы можем на себя взять, поэтому Иллан то и дело работает в кузнице. Я чаще ухаживаю на конюшне за лошадьми, потому что главный конюх очень быстро заметил, что в этом деле у меня есть сноровка. Здесь есть старый пастуший пес Брин, который, когда не занят своим делом, болтается рядом и просто наблюдает за тем, чем я занимаюсь. Против такой компании я не возражаю.

Спят конюхи не в конюшне, а моются у колонки во дворе. Мы с Илланом заняли свободное стойло, сложили там пожитки, положили сена и расстелили на нем свои походные постели. Здесь тише, кроме того, когда вокруг, кроме лошадей, никого нет, у нас есть возможность разговаривать. Иллан несколько раз говорил с Арку и рассказал, что со мной случилось по дороге. Арку сообщил нам подробности встречи с регентом и его советниками.

Нам приходится соблюдать установленные для этой миссии правила. А это значит, что две наши группы могут общаться исключительно в случае необходимости и то только Арку и Иллан. Помещение, в котором репетируют наши музыканты, недалеко от конюшен – время от времени я слышу, как они играют и поют. Но близко не подхожу. Надо придерживаться легенды, в соответствии с которой я немой. Парень, который никому не расскажет, что слышал. Это наводит меня на мысль о том, почему Арку с Кинелой поручили мне эту роль – уж не потому ли, что я, на их взгляд, слишком тороплюсь высказывать свое мнение? Еще один повод сыграть ее безупречно.

Склоняясь над копытом, чтобы вытащить застрявший камешек, привязывая коня, чтобы покормить, поправляя в мастерской пряжку, я не пропускаю ни единого звука. Вслушиваюсь в обрывки сплетен, которые могут вывести нас на след пропавшей арфы. Конюхи и конюшенные служки слышат многое. Те, кто считает себя высшей кастой, – вожди кланов, регенты, принцы, – их, в той или иной степени, не замечают. Конюх – это всего лишь пара рук, которая держит твоего коня, когда ты на него садишься. А служка и того меньше. Его стараниями твоя лошадь ночует в сухом стойле, выстеленном свежей соломой. Его стараниями у твоей лошади всегда есть хорошая еда и чистая вода. Он чистит ее, когда ты загоняешь ее на охоте. Ласково с ней разговаривает и гладит. Но ты об этом практически не думаешь. И даже когда он стоит прямо перед носом, едва его видишь. Мои братья тоже такие: настолько уверены в своем месте в этом мире, что не обращают ни малейшего внимания на тех, кто оказался ниже в порядке мироздания. Я научился копировать эту их манеру. Это помогает держать окружающих на расстоянии.

Я знаю, что такое долго быть невидимкой. Потому что был ребенком, который прятал свои синяки от посторонних глаз и глотал душившие его рыдания, чтобы их не услышали другие. Я научился молчать и замирать. Научился без стона сносить удары. Понял, что хорошее никогда не длится долго. В тринадцать лет, когда мне нанесли самый жестокий удар, после которого я попытался покончить с собой, я обрел друга. Попытался его оттолкнуть, но он не ушел. А навыками ведения боя, которым он меня научил, воспользовался на Лебяжьем острове. И теперь, в королевских конюшнях Брефны, извлекаю пользу из суровых уроков детства.

Ближе к вечеру я возвращаюсь из кузницы, куда ходил помочь Иллану. Сижу в нашем стойле на постели и отдыхаю перед тем, как взяться за новую работу – надо наполнить водой лохани. Рядом спокойно лежит Брин. Какие-то ребята черпают из колодца воду ведрами, со двора конюшни доносится бряцанье железа. Но до моего слуха доносится и кое-что еще: голоса, переговаривающиеся между собой где-то неподалеку. Заметить меня их владельцы не

могут – меня скрывает перегородка между стойлами, – разве что кому-то из них придет в голову мысль пройти мимо.

– Знаешь, некоторые говорят, что они вообще не из нашего мира… Из Колдовского, как в старых легендах…

– Не птицы, говоришь? Но тогда кто? Чудовища? Демоны?

Ни слуги, ни мастеровые так не говорят.

В голосах слышатся нотки высокородных господ.

– Чушь.

Этот голос я знаю, он принадлежит принцу Родану, претенденту на престол. Мне приходилось его слышать в зале за ужином.

– Крин, ты не хуже меня знаешь, что ничего подобного не существует. А разговоры о таких вещах надо пресекать до того, как о них начнет судачить народ. Все это бред, служащий единственно разжиганию бунта.

– Однако друиды говорят иначе, – вступает в разговор кто-то третий, – один из них при мне как-то рассказал историю о существах, – продолжает он, – перемещающихся через портал в другой мир, населенный созданиями, каждое из которых представляет собой наполовину человека, а наполовину волка, кошку или орла. Такими же могут оказаться и эти вороны. Поговаривают, что они слишком большие для обычных птиц. Может ведьмы, может демоны. Просто спроси крестьян, у которых по весне пропадали ягнята. Или ту женщину, у которой прямо из колыбели чуть не украли ребенка.

– Чепуха, Колл! Орлы каждую весну таскают ягнят. Что же до ребенка в колыбели, то это просто сказки старых вдовушек. Та женщина увидела тень, испугалась и поскольку в народе ходят всякие суеверные небылицы, пришла к определенным выводам. А потом состряпала из этой истории блюдо и преподнесла его в виде развлечения половине деревни.

Принц все больше повышает голос и сердится.

– Чем быстрее все это закончится, тем лучше. Друиды должны нести свою долю ответственности за все эти глупые сказки о магии. Что же до вас двоих, то вы взрослые люди. Поверить не могу, что мои друзья могут принимать всерьез подобную дурь, пусть даже на миг. Получеловек-полуволк? Детские сказки, вот что это такое.

На какое-то время воцаряется тишина. Интересно, а что сказал бы я, если бы принимал участие в их разговоре? Тварь, напавшая на меня по пути сюда, без сомнений, не была обычной вороной. Может, существом из другого мира? В этом отношении я согласен с принцем Роданом, даже если его манеры неприятно напоминают моего брата Шинана.

Слово опять берет Крин.

– Но дело не только в ягнятах. Как, например, быть с дорогой и птицами, которые пикируют вниз, когда этого меньше всего ждут? Вряд ли тебе захочется охотиться в том уголке леса, разве что ты обожаешь, когда тебе ломают конечности и пробивают голову. Ходят слухи, что вот-вот кого-нибудь убьют, что это лишь вопрос времени. Вороны так не набрасываются. Молодые, которые вывалились из гнезда, еще куда ни шло, но сейчас для этого уже слишком поздно. Словом, разговоров много ходит. Многие хотят что-нибудь предпринять, и поскольку ты станешь королем…

Снова становится тихо. Это, должно быть, друзья Родана; не думаю, что кто-то другой осмелится разговаривать в столь небрежной манере с наследником трона, особенно когда тот выходит из себя. Я жду, что он вот-вот откусит Крину голову, но когда он говорит, его голос холоден и тих.

– Что-нибудь сделаем. Если в этом уголке леса действительно подстерегает опасность, вырубим деревья. Хорошая древесина всегда пригодится. По поводу дороги ты прав – она должна быть безопасной. Это для начала. А потом я ограничу влияние друидов, потому что они – источник этих устаревших суеверий. Им надо приказать не нести в народ подобную чушь.

– По-моему, наверху, в лесу, живет женщина, так?

Родан и на этот раз отвечает не сразу.

– Кажется да, – говорит, наконец, он, – тоже мастерица выдумывать сказки, от которых один лишь вред. Перед тем, как мы начнем рубить деревья, она, конечно, оттуда уедет. Здесь нужен решительный подход.

Когда никто из друзей ничего не отвечает, он продолжает:

– Ты, Колл, похоже, сомневаешься? Неужели не веришь мне? Если проредить ту лесную делянку, получатся отличные охотничьи угодья. Сейчас там сплошная чаща, опасная для лошадей. Люди меня за это поблагодарят.

– Милорд?

Этот голос принадлежит стражу по имени Горв. Его напарник Буах говорит с акцентом северянина, а этот, судя по всему, из местных.

– В чем дело?

В словах Родана чувствуется раздражение. Похоже, он ждал, что друзья встретят его идею с большим энтузиазмом.

– Нам пора, милорд. Мастер Брондус изъявил желание поговорить с вами с глазу на глаз.

– Черти бы его забрали, этого Брондуса, – бормочет наследник трона, но я слышу, что они покидают конюшню и уходят, оставляя мне тему для размышлений.

Та женщина и ее странная лачуга. Ее пес. Ее доброта. Мои подозрения в том, что пока я спал, она рассказывала мне легенды. Будущий король, который не верит друидам в краю, где те связаны с самой сутью предметов и явлений. Магия или предрассудки? Заклятия или надувательство? Распутать такое мне не под силу. Я расскажу обо всем Иллану, а он передаст Арку. А пока они будут размышлять, мне остается только одно – слушать, слушать и слушать.

13. Ливаун

Я ловлю себя на мысли, что скучаю по Лебяжьему острову, где никто не тратит время на всякие глупости. Продолжаю предпринимать попытки сблизиться со служанками. В течение какого-то времени, пока для них внове мои длинные рыжие волосы и волнующая (в их представлении) бродячая жизнь, мне кажется, что я постепенно продвигаюсь вперед. Но их болтовня банальна и утомительна, а мне никак не удается направить разговор в нужное русло. Если раньше я не находила себе места, то теперь чувствую, что вот-вот взорвусь. Брокк каждый день ходит в неметоны и усиленно постигает тайны друидов. Дау кое-что выяснил о принце и его планах на будущее. Я же не сделала ровным счетом ничего. Почти ничего. Я дважды танцевала с Горвом по вечерам, когда играли не только мы, но и другая труппа музыкантов, однако толпа кружащих, скачущих танцоров – не самая лучшая среда для выуживания полезных сведений, а поболтать с ним днем у меня возможности пока не было. Родану это не понравилось бы. Он, похоже, не одобряет, что Горв тратит время на танцы, хотя рядом с ним постоянно торчит другой страж. Оба раза он до самого конца танца не сводил с нас хмурого взгляда. Как по мне, лучше бы думал о чем-нибудь другом, раз ему вскоре предстоит стать королем.

Какое-то время спустя мне представляется новая возможность. У меня с собой два платья, повседневное, в котором я ехала верхом в Брефну, с длинной юбкой, скрывающей штаны, и из домотканой шерсти с вышитой пелеринкой, которое я надеваю для выступлений. Оба нужно как-то почистить – либо аккуратно выстирать, либо пройтись губкой и щеткой, чтобы оттереть самую заметную грязь. В общих спальнях сделать это как следует нет возможности, поэтому однажды утром я иду в каменную пристройку, где прачки с утра до вечера стирают, полощут и отжимают белье.

На задах флигеля, на опорах из лещины, натянуты веревки, в погожий день украшенные гирляндами, на которых чего только нет – от постельного белья до тонких батистовых сорочек. В ненастье, которое даже летом случается довольно часто, одежда сушится внутри, у очага. Воду таскают ведрами из колодца в углу двора.

Глядя, как эти женщины, подоткнув юбки, поднимают по два полных ведра воды и носят во флигель, я понимаю, что это неплохая замена учебным боям.

– Доброе утро, – говорю я, входя в дверь с наброшенным на руку платьем из домотканой шерсти и сжимая в руке одежду поменьше, – я могу здесь выстирать свои вещи? Взамен могу принести воды или помочь вам отжимать белье – я девушка сильная. А если кто-нибудь знает, как постирать эту вышитую пелеринку, чтобы не поблекли цвета, буду благодарна за хороший совет.

Одна из прачек выпрямляется, внимательно оглядывает меня с головы до ног и, вижу, приходит к выводу, что сила во мне и правда есть. Я выше и шире в плечах даже самой крупной из них, а мои волосы по моде Лебяжьего острова уложены на затылке в узел тугих косичек.

– Отказаться от такого предложения было бы глупо, – говорит женщина, – хотя я и не уверена, что ты станешь долго таскать ведра. Это дело трудное, и нужно время, чтобы привыкнуть.

– Буду рада попытаться. Меня, кстати, зовут Кира. Вы, наверное, видели, как я играла и пела вместе с другими музыкантами.

Мы знакомимся. Ту, что заговорила первой, зовут Дана. Остальные – Мев, Банва, Гренна и еще несколько. Дана велит Мев сесть и отдохнуть, а я беру ее ведра и вместе с Гренной иду за водой. Остальные, тем временем, помешивают белье в огромном чане, трут одежду на стиральных досках и поддерживают огонь в очаге.

Я усердно работаю, но не для того, чтобы снискать расположение, а с целью проверить свое тело и убедиться, что оно по-прежнему сильно. К тому же, если есть работа, то почему

бы ее не сделать? После изрядного количества ведер я некоторое время помешиваю белье – занятие жаркое, прямо у огня, да и пар бьет в лицо – а потом Дана отправляет меня немного посидеть на улице. Она выходит и садится рядом со мной. Прохладный воздух поистине волшебен, я глубоко дышу. Одна из прачек приносит мне чашку воды.

– Банва взялась стирать твое платье и вышитую пелеринку, – говорит Дана, – не смотри на меня так, твоя одежка в надежных руках. Изящными вещами у нас занимается именно она, у нее есть собственное специальное мыло и небольшая щеточка, которую ей сделал брат. Потом она аккуратно развешивает выстиранные вещи, и они быстро сохнут.

– Спасибо. Выходное платье у меня только одно и к вечеру оно, наверное, не высохнет.

– Не высохнет, если ты, конечно, не решишь его погладить, тем самым испортив, – вставляет слово Банва, появляясь в дверном проеме, – может, тебе на этот вечер попросить платье у кого-нибудь?

– Только если есть платье моего размера. Более подходящее, чем то, что на мне сейчас. Оно не только слишком простое, но и испачкано сильнее парадного.

Теперь в них пробудился интерес. Похоже, я заслужила их расположение, трудясь не менее упорно, чем они, хотя у меня и нет никакого желания заниматься этим целыми днями. Дана велит остальным сесть, чтобы немного отдохнуть, и посылает двух девушек помоложе принести с кухни еды.

– Таких высоких девушек, как ты, Кира, здесь нет, – говорит Гренна, – и такой красивой пелерины, как у тебя, тоже. Она восхитительна.

– А как насчет Мааре? – спрашивает Банва. – Няни, ты должна ее знать. У нее есть две сорочки, отделанные лентами, которые, думаю, тебе подойдут. Мы могли бы ее попросить. А если все же будет немного не впору, сверху можно накинуть шаль.

– Ты сказала, *мы* могли бы ее попросить, – недоуменно смотрит на нее Дана, – кого именно ты имеешь в виду под этим *мы*?

Она поворачивается ко мне.

– Мааре сейчас не в лучшем настроении. И если не спит, то наверняка отхватит тебе голову.

– Я сама у нее попрошу. Так будет честно, ведь сорочка нужна мне.

Это не та ли Мааре, маленькая подопечная которой в тот день убежала и забралась на дерево? Малышку Ашллин я видела пару раз за ужином, но больше нигде с ней не пересекалась. А сама пообещала дать ей урок игры на свирели.

– Думаю, у меня есть возможность не просить ее об услуге, а предложить сделку. Но мне, кроме сорочки, понадобится и юбка, а Мааре, наверное, ниже меня.

– Да уж, ее юбки будут тебе до колен, – говорит Гренна, – у тебя рослые родители, да?

– Мой отец настоящий великан.

– У меня есть идея, – говорит Банва, – если у кого-нибудь из нас найдется юбка на твою талию, я смогу пришить к подолу оборку, чтобы она доходила тебе до лодыжек. У нас в сундуке есть целый мешок обрывков, лоскутов и даже одежды, которую кто-то выкинул или отдал нам чинить, а потом забыл. Ты удивишься, увидев, что люди выбрасывают. Большинство вещей в отличном состоянии, так что я могу состряпать тебе, Кира, что-нибудь миленькое.

– А к вечеру успеешь?

Шить, по всей видимости, придется много. По сути, это примерно то же, что сделать из свиного уха шелковый кошелек. Я пытаюсь представить себе эту одежку, но не могу.

– Банва делает немало тонкой работы для дам, – говорит Дана, и кривит рот в гримасе, – поэтому то, что ее заставляют таскать ведра и выжимать рубашки, – преступление. Но уж как есть. Она пару раз сболтнула лишнего и получила за это сполна.

– Тсс! – цыкают на нее остальные, Дана замолкает, но выражение ее лица в этот момент надо видеть.

Полагать, что прачка непременно должна быть пугливой и подобострастной, с моей стороны явно было ошибкой.

Я собираюсь выжать побольше подробностей, но в этот момент возвращаются девушки с подносом хлеба с бараниной и кувшином эля, и все разговоры смолкают. Еду делят поровну. Я пытаюсь отказаться от своей доли, но мне тут же становится ясно, что правильнее с удовольствием поесть.

– Спасибо, – говорю я, когда с едой покончено, – мне пора, надо повидать Маару и выяснить насчет сорочки. Где мне ее найти?

– В это время она должна быть в огороде. Знаешь высокий дуб? Так это от него по другую сторону лужайки. Вокруг огорода идет невысокая стена, там еще растет несколько яблонь.

– Думаю, я знаю, где это.

Я специально отвечаю неуверенно. И, конечно же, ни за что не признаюсь, что взбиралась на дуб, с которого отлично видно тот огород.

– Спасибо вам. Попозже я еще зайду проверить, как сохнет мое платье. Банва, у тебя точно есть время перешить юбку?

– Найду. Мне помогут. А ты, перед тем как уходить, лучше примерь одну из наших, а то я напрасно потрачу несколько часов, а она тебе, в конечном итоге, не подойдет. Дана, ты у нас самая высокая, дай ей свою, пусть примерит.

Перед тем как отправиться к Мааре, я достаю свирель и засовываю ее за пояс. Надеюсь, она из тех, с кем у меня получится общаться без труда, как с Даной и ее товарками, но при этом опасаюсь обнаружить в ней тупоголовую служанку. По воле случая, первой меня встречает Ашллин. Она опять одна – сидит на корточках у невысокой огородной стены и высматривает что-то в высокой траве. Ее мягкая игрушка сидит, привалившись спиной к стене, с горсткой лепестков на коленях.

– Доброе утро, Ашллин.

Она подпрыгивает на месте, как затигнутый врасплох кролик, и поворачивается ко мне.

– Я принесла свирель, – говорю я мягко. – Все в порядке?

Ашллин наклоняется, хватает игрушку, рассыпая лепестки, и прижимает ее к груди, не сводя глаз со свирели, которую я достаю из-за пояса.

– Если хочешь, я могу прямо сейчас показать, как на ней играть. Но сначала мне надо поговорить с Мааре.

– Нет!

Девочка говорит тихо, но с жаром.

– Мааре мне не позволит! И она все равно спит. Может, заберемся на большое дерево?

Выпрямившись во весь рост, нависаю над ней, но так общаться неудобно, и я приседаю на корточки.

– У твоей маленькой подружки сегодня праздничный обед? – спрашиваю я. – Она выглядит довольной.

Ашллин кивает – серьезно и официально.

– Она ела суп из лепестков, – отвечает она, – не проси ни о чем Мааре. Пожалуйста. Она все равно откажет. А если ты ее разбудишь, будет злиться.

– Ашллин, ты знаешь, что такое пари?

Она качает головой.

Я пытаюсь найти простые, понятные слова.

– Смотри, ты, например, говоришь, что Мааре будет злиться, а я думаю, что нет. Ты считаешь, она ответит отказом, а я утверждаю, что согласится. Пари означает, что если я окажусь права, то ты для меня что-нибудь сделаешь, а если окажешься права ты, то что-нибудь для тебя сделаю я.

Она снова кивает, и ее глаза становятся круглыми, как у совы.

– Если хочешь, давай. Но она все равно откажет и разозлится, а я не люблю, когда она злится.

Будем надеяться, я не просчиталась.

– А где Мааре? Вон там?

Я показываю на огород по ту сторону стены.

– Угу. Спит.

– Ладно, тогда поступим так. Мы сейчас туда прокрадемся, тихо, как мышки, чтобы она ничего не заметила. Сядем, где она тебе велела сидеть, и я незаметно ее разбужу, чтобы она подумала, что проснулась сама. А так как ты будешь там, где тебе было велено, сердиться она не станет.

Ашллин обдумывает мои слова.

– Как насчет пари?

– Если я выиграю, тебе придется разучить на свирели четыре ноты. Этого достаточно, чтобы сыграть мелодию.

– А если выиграю я? – шепотом спрашивает она.

– Тогда придумай для меня какое-нибудь задание, и я его выполню. Только, если Мааре рассердится, у нас не получится ни сыграть на свирели, ни забраться на дерево. Придется ждать другого раза. Я все равно покажу тебе, как играть на свирели, без всяких пари. Так что можешь загадать мне что-нибудь другое. Например, я могу научить тебя ходить на руках.

– Ладно, – отвечает она и машет рукой вдоль стены. – Калитка вон там.

– Идем тихо, как мышки, запомнила?

Она крадется на цыпочках, я за ней – как огромная, чудовищная мышь.

Мааре лежит на одеяле в траве в тени яблони. Она и в самом деле крепко спит, рядом стоит корзинка с рукоделием. Перед тем как заговорить, я не торопясь пересекаю огород, сажусь на скамью и слежу за тем, чтобы Ашллин с игрушкой уселись на уголке одеяла. Критически осматриваю нянину одежду: простая серая юбка, кофта под цвет, а под ней тонкая батистовая сорочка, края которой отделаны красно-синей лентой. Я вдруг понимаю, что куда проще было бы позаимствовать рубашку у Брокка, а все недостатки прикрыть аккуратно повязанной шалью. При этом вполне можно будет надеть предложенную мне юбку, так что Банва не обидится.

Пока я пытаюсь сообразить, как аккуратнее разбудить Мааре, Ашллин, у которой зачесался нос, не удержавшись, громко чихает и выдергивает няню из сна. Мааре садится, приглаживает волосы, поправляет одежду и в этот момент видит меня.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает она.

– Вас ищу, – отвечаю я, размышляя о том, что ее тон может напугать ребенка и постарше ее питомицы, – но вы отдыхали и я, ожидая, когда вы проснетесь, немного поговорила с Ашллин.

– Ашллин? – в ее голосе слышится угроза. – Ты что, ушла с огорода?

– Она была здесь со мной, – быстро говорю я. – Разрешите представиться. Меня зовут Кира, я музыкантша. Надеюсь, вы найдете время со мной поговорить.

– О чем? – хмурится Мааре.

Я рассказываю про сорочку.

– Думаю, Дана и остальные прачки были правы, ваши мне действительно подойдут. К тому же, они говорили, что вот таких, отделанных лентами, у вас две.

– А с какой стати я должна дарить отличную одежду какой-то… бродячей музыкантше?

Я делаю несколько размеренных вдохов.

– Не дарить, а всего лишь одолжить.

– Ага, а ты потом вернешь мне ее провонявшую потом. Или даже разодранную по швам.

Она окидывает меня взглядом.

– Такая-то дылда, как ты.

– Я подумала, что могу вам кое-что предложить.

– То есть, ты собираешься мне заплатить?

С каждой фразой она нравится мне все меньше и меньше.

– Нет, скорее предлагаю заключить сделку. Если вы одолжите мне сорочку, пока не высохнет мое выходное платье, я сегодня после обеда часок-другой присмотрю за Ашллин. Я обещала научить ее играть на свирели.

Выражение лица Мааре говорит о том, что эта идея кажется ей смешной.

– На свирели?

– Да, я играю довольно хорошо. Вы могли слышать меня по вечерам. У вас будет немного свободного времени. А я позабочусь, чтобы сорочка вернулась к вам чистой, в целости и сохранности.

Вижу, что ей хочется согласиться. К чести ее будь сказано, она на пару мгновений замирает в нерешительности. Соглашаясь, она нарушает собственные правила.

– Только не попадайтесь никому на глаза, – говорит она, – иначе у меня будут неприятности.

– Мы спрячемся, правда, Ашллин?

Девочка кивает, и ее щечки делаются пунцовыми. Рука, сжимающая игрушку, немного расслабляется.

– И не фамильярничай с девочкой, – говорит мне Мааре, теперь сама строгость, – она из королевской семьи, хотя увидеть это порой бывает очень и очень трудно… А ты…

– Бродячая музыкантша.

В голове теснятся мысли. Из королевской семьи? Какой именно?

– Так что отнесись к ней с уважением! Ясно?

– Что? Ах да, да… – соглашаюсь я.

Бедная Ашллин. Сомневаюсь, что приставленные к ней надзиратели понимают, что означает слово «уважение».

– Ладно. Сорочку я принесу тебе после обеда, тогда же сможешь забрать и ребенка. Ты, Ашллин, не обмолвишься об этом ни словом. Ни единой живой душе.

Девочка кивает.

– Скажи вслух! – рявкает на нее нянька.

Мне хочется ее ударить.

– Я никому не скажу, – шепчет Ашллин, – обещаю.

В конюшне Арку разговаривает с Илланом, вернее – с кузнецом Огном. Дау тоже здесь – возится за верстаком. Иллан кивает мне. Что до Дау, то он меня игнорирует. Рядом снуют люди, занятые своими делами. Для тайного обмена информацией явно не место и не время.

– Ах, – с напускным удивлением говорю я, – вот вы где, дядюшка Арт. Я хотела с вами поговорить, но, вижу, вы заняты. Поговорим позже.

Я поворачиваюсь и ухожу, стараясь выглядеть естественно.

Вскоре он присоединяется ко мне в комнате для репетиций.

– Простите, – говорю я полушепотом, хотя Арку закрыл за собой дверь, – вы замечали рядом с домом или в саду маленькую девочку? Примерно вот такого роста с волнистыми каштановыми волосами? У нее еще всегда с собой игрушка, зверушка какая-то.

– Не помню, – отвечает Арку, – хотя детей здесь совсем немного. А почему ты спрашиваешь? Она что, пропала?

Я как можно короче рассказываю ему об Ашллин, о предстоящем уроке игры на свирели и о сорочке.

– Мааре сказала, что она из королевской семьи. Поэтому перед тем, как мы встретимся, мне не мешало бы узнать, кто ее родители.

– Вот оно что… – слегка хмурится Арку. – Могу рискнуть и высказать предположение, хотя мне говорили, что девочку прячут от посторонних глаз, да и имени ее я не знаю. Возможно, Ашллин – сестра Родана. У них большая разница в возрасте. Из-за осложнений при родах ее мать тяжело заболела и умерла. Впрочем, я слышал и другую версию, согласно которой неспособность королевы произвести на свет еще одного наследника совершенно ее подкосила. Ты потрясена, Кира? Неужели это так невероятно?

– Это потому что… потому что ее нянька – настоящий тиран, да к тому же еще и лентяйка, а Ашллин запугана и постоянно чего-то боится. Хотя глубоко внутри ее души все еще сохранилась крохотная искорка мужества. И по отношению к ней совсем неплохо было бы проявить немного доброты.

– Будем надеяться, кто-то действительно проявит, – говорит Арку и бросает на меня взгляд, которого я совершенно не понимаю, – но тебе этого лучше не делать. Ты не можешь позволить себе вмешиваться.

– Но я пообещала побыть с ней немного после обеда и не могу нарушить слово, данное ребенку.

– Ты снова меня удивляешь. Ну ладно, обещала – выполняй. Но будь осторожна. Чем меньше людей увидит тебя вместе с этой девочкой, тем будет лучше.

– Но звуки свирели все равно будут слышны.

– Действительно. Но никто не должен знать, кого именно ты учишь играть, поэтому приведешь ее сюда и закроешь дверь. Если что, моя старая свирель лежит вот на этой полке, и ты можешь взять ее. С двумя инструментами одного и того же тона учиться гораздо легче.

– Благодарю вас, дядюшка Арт. Простите, что мне до сих пор не удалось выяснить ничего полезного, но я продолжаю прилагать все усилия.

– Честно говоря, – отвечает Арку, – отсутствие прогресса меня действительно беспокоит. Донал словно стоит на пороге какого-то открытия, но сделать его ему никак не удается. Возможных претендентов на престол всего четверо, при этом троих можно отмести как бесперспективных или никуда не годных. Тоссак на сегодняшний день тоже ничего не предпринял. Мастер Брондус полагает, что на столь позднем этапе он уже не станет этого делать. Но советники регента все равно не находят себе места. Я вот думаю, не зреет ли какой-нибудь заговор.

– Если мы не вернем арфу, – говорю я, – народ может отвергнуть любого претендента, какие бы надежды он ни подавал. И что тогда будет?

– Думаю, Кора будет оставаться регентом до тех пор, пока они что-нибудь не придумают. Но ты права: в отсутствие арфы сделать выбор будет практически невозможно. Брефна погрузится в затяжную эпоху бунтов и мятежей. А бунты и мятежи, как известно, ведут к слабости, которая, в свою очередь, служит для соседей этаким приглашением к вторжению, захвату территорий, кражам скота, а может, и к войне. Ты, наверное, уже слышала о нашествии ворон. Точнее, неких существ, которые могут действительно оказаться воронами, но могут быть и кем-то другим. Точно такая же тварь напала на нашего Нессана на лесной дороге и чуть было не сбросила их вместе с лошадью в пропасть. Не стану рисковать и выказывать предположения о том, что они представляют собой вообще и в здешних краях в частности, но ничуть не сомневаюсь, что приближенные Коры этой проблемой обеспокоены, и для этого у них есть все основания. Подобные вещи могут привести к серьезным проблемам. Если твари вырвутся за пределы королевства, и Кору обвинят в том, что он не удержал их в узде, может вспыхнуть крупный конфликт. Арфа, конечно, может иметь к этому отношение, но может и не иметь. В то же время, присутствие этих непонятных созданий, как удалось подслушать нашему другу на конюшне, может погубить давние доверительные отношения между друидами и светской властью. Коре захочется организовать коронацию нового короля, как водится, в присутствии

друидов, а арфа, если на ней сыграют, станет сигналом одобрения нового правителя народом Брефны. Для всех это станет признаком того, что все будет хорошо, даже при наличии трудностей, которые предстоит преодолеть.

Я вдруг чувствую симпатию к лорду Коре. Что если раньше он был счастлив приглядывать за собственными владениями и жить в своем доме в окружении близких? Что если ему было тяжело отказаться от той старой жизни после смерти последнего короля?

– Кора давно стал регентом? – спрашиваю я.

– Лет шесть, может чуть больше, может чуть меньше.

– Выходит, отец Ашллин умер, когда она была еще младенцем?

– Пожалуй, да.

Это в некоторой степени объясняет поведение Ашллин. Ребенок рос сиротой, и я не вижу никаких признаков того, что о нем кто-то особо беспокоился. Что совершенно не помешало ей стать доброй девчушкой. И умной.

– Кира, тебе лучше держаться подальше от Ашллин и ее няни. Девочка вряд ли располагает полезной для нас информацией, а воспитательнице может показаться странным, что ты проявляешь к ее питомице чрезмерный интерес.

– Хорошо, дядюшка Арт. Но сегодняшний урок игры на свирели не в счет. Вы сами согласились.

– Только не говори мне, что под такой грозной внешностью скрывается мягкое сердце, – говорит он, вроде шутя, но все же не до конца.

– Ничего подобного, – отвечаю я, – это просто обостренное чувство справедливости.

Шпион должен мастерски выведывать секреты и не обращать на себя внимания. В первом пока я не преуспела, но вот во втором потихоньку совершенствуюсь.

После обеда Мааре ждет меня в огороде. У нее в руках сложенная сорочка. Рядом молча стоит Ашллин, прижимая к себе игрушку, под левым глазом у нее свежий синяк.

– Что случилось? – не подумав, спрашиваю я.

– Она споткнулась и упала, – отвечает Мааре, – следи за ней в оба. Она всегда найдет предлог убежать и навлечь на свою голову неприятности.

Ашллин смотрит на меня строгими глазами; за этим ее взглядом проглядывает печальная история, о которой я пока знаю немного, но хочу выяснить все. И пропади Арку пропадом вместе с его приказами!

– Я так благодарна вам за сорочку. Обещаю обращаться с ней бережно.

– С огорода ни ногой. Если пойдет дождь, можете спрятаться вон там.

Мааре показывает на небольшой сарайчик, по всей видимости, для хранения инвентаря.

– Ближе к вечеру я за ней приду.

Когда она уходит, я приседаю на корточки и шепчу Ашллин на ухо:

– Играть на свирели нам здесь нельзя. Надо найти местечко поукромнее.

– Большое дерево! – тут же загораются ее печальные глаза.

Я качаю головой.

– Нет. Чтобы играть на свирели, нужны две руки, а я не хочу, чтобы кто-то из нас упал. Да и потом, нас могут услышать и попытаться выяснить, кто же это играет.

– Но тогда где?

– У меня есть специальное место, где можно играть сколько душе угодно. Но по пути туда мы снова должны вести себя *тихо, как мышки*. Ну, или как лесные куницы – проворные и бесшумные, способные передвигаться по лесу, не привлекая внимания сов, волков и других хищников.

Ашллин кивает. Мне нравится, как оживает ее личико, когда она забывает о страхе.

– Ну что ж, тогда вперед. Это недалеко от конюшен. Если кого-то увидим, нам придется спрятаться.

Я прикладываю палец к губам – *тихо, как мышки,* – то же самое делает и она.

Мне не приходилось общаться с маленькими детьми, так что я не знала, как подготовиться к ее приходу. Я просто положила на скамью, постелив лоскут мягкой ткани, две свирели – свою и дядюшки Арта. И не забыла захватить самую маленькую дудочку с высоким звуком, которую иногда использую, играя джигу. А с кухни – там работает пара ребят, обожающих слушать мое пение – принесла несколько медовиков и немного сыра. Кувшин воды и чашки в комнате для репетиций у нас всегда есть, ведь от игры, и уж тем более от пения, так хочется пить. Что же до того, чтобы научить Ашллин ходить на руках, то с этим придется подождать до другого раза, когда у нас будет больше места.

Ашллин хорошо бегает и еще лучше прячется. Вероятно, ей часто приходится этим заниматься, чтобы вырваться из тюрьмы Мааре. Мы быстро добираемся до места. На противоположном конце конюшенного двора стоят несколько человек – насколько я понимаю, это путники, передающие конюшенным служкам своих лошадей. Внутри, за запертой дверью, Ашллин постепенно расслабляется, хотя и вздрагивает от любого громкого звука снаружи – когда кто-то кого-то зовет или ржет лошадь.

Ее пальчики едва достают до последнего отверстия на свирели Арку, но зато она проявляет больше старания, чем я ожидала. Быстро понимает, что если дунуть слишком сильно, звук получается невыносимо резким, а если слишком слабо, то выходит вялым, если, конечно, выходит вообще. Для начала мы разучиваем четыре ноты и учимся правильно пользоваться языком. Я показываю, Ашллин меня копирует. Она быстро схватывает все на слух и прекрасно умеет сосредотачиваться. Пока мы играем, ее игрушка сидит рядом с ней на скамье, прислонившись спиной к стене, взгляд ее шерстяных глаз устремлен ввысь. Выражение мордочки у зверушки несчастное – зеркальное отражение того, каким нередко бывает лицо ее хозяйки. Может быть, она выглядит такой печальной, потому что старенькая и потрепанная, да и набивка сейчас уже не та, что была раньше.

Время от времени я прошу Ашллин встать и немного походить – это помогает сосредоточиться. То же самое делаю и я. Мы учимся отбивать ритм, сначала ладонями, потом ногами. Через некоторое время она учится правильно ставить пальцы для пятой ноты, что позволит ей играть больше мелодий, я объявляю перерыв и приношу еду и питье.

– После занятий музыкой мне всегда хочется есть, – говорю я.

И это сущая правда.

Свой медовик Ашллин делит на несколько аккуратных частей. Пару кладет на скамью перед своей зверушкой, остальное съедает маленькими кусочками.

– У твоей подружки есть имя? – спрашиваю я.

– Это секрет, – шепчет она.

– О, прости.

– *Тебе* я сказать могу. Ее зовут Клиэна. В честь богини из легенды.

– Очень благородное имя.

Интересно, у кого нашлось время рассказывать этому одинокому ребенку легенды? Возможно, друзья у нее все-таки есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.